

ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЕ ХРОНИКИ

1

МАКСИМ ДЕМИДОВ

18+

Максим Демидов

Железобетонные хроники

1. Платиновый путь

<https://litres.ru/73819034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представь мир, где конец света всё-таки случился, но люди — удивительное дело — не вымерли, а приспособились.

Да, за стенами полисов бродят твари, о которых биологи прошлого и не слышали, а воздух иногда становится ядовитым. Но за стенами всё сложнее.

Там есть поезда, которые везут грузы через континент. Есть бары, где наливают текилу из кактусов, выросших на болотах. Есть девушки с глазами цвета неба, в рабочих робах, старики, не знавшие времени, когда Америка была другой. Бронепоезда, роскошные, как отели, и казино в Рино, где можно спустить всё золото, добытое в пустыне.

Главный герой попал в этот мир случайно. Он — осколок прошлого, человек, которого не должно было быть. Здесь он чужой.

Это история не про выживание любой ценой. Это история про то, как найти себя, когда твой мир рассыпался в прах. Про то, что

даже в самой безнадежной пустоши может вырасти что-то живое.
И про то, что иногда, чтобы обрести дом, нужно потерять всё.

Содержание

Глава 0.	5
Предисловие.	6
Глава 1. Первый вектор.	7
Глава 2. Серпантин.	28
Глава 3. Полис металлургов.	57
Глава 4. Мозговой зуд.	79
Глава 5. Ее условия.	103
Глава 6. Осколки прошлого.	122
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Максим Демидов
Железобетонные хроники
1. Платиновый путь

Глава 0.

Предисловие.

Эта история – не совсем о конце света. Точнее – о том, что произошло почти спустя век после него. О новом укладе жизни людей, сумевших построить нечто в мире, казалось бы, лишенным будущего. О рельсах, протянутых словно артерии через безлюдные, но плодородные просторы, к маленьким точкам на карте, где собираются выжившие. Где законы в большинстве своём заменили понятия, а справедливость – у каждого своя.

И об одном человеке, для которого весь этот новый мир – долгое и мучительное эхо ошибок. Его собственных и всего его поколения.

«Хроники» – это попытка ощупать пульс того, что, казалось бы, давно умерло. И всё же сердце бьётся. Мир всё ещё жив.

Даже без того, кто пришёл его проверять.

Глава 1. Первый вектор.

Полис-порт Арката. 28 мая 2115 года. Бывшее США. Ранний вечер.

Шум прибоя был похож на дыхание спящего гиганта. Ровное и убаюкивающее.

Чуть дальше, в порту Аркаты, его заглушал шум кранов, скрежет якорных цепей, рев моторов и отборный, но небогатый американский мат.

Насмотревшись на волны, я пошёл в сторону холма, к бывшему зданию Калифорнийского политехнического университета. Дорога вела через порт. Это было относительно новое образование, выросшее после того, как океан отобрал у мира старые берега. Бухта стала судоходной, старый город спасали насыпи от затопления, образуя по всей протяженности города довольно большую зону порта. Здесь была небольшая грузовая зона с большими ржавыми кранами, сваренными из балок и конструкций из брошенных городов поблизости. Бетонное основание, хорошая грузовая парковка. Проходя мимо офиса терминала, я заметил на доске объявлений яркий, голубой логотип, который я где-то раньше видел. Подойдя поближе, рассмотрел знак морской компании, которая занималась отправкой людей кораблями на север и юг побережья. *Значит, отсюда я смогу добраться до Гавайев, как и из Портленда.*

– Эй, Седой! Пропустишь или так и будешь пялиться на доску? – На чужом для меня языке сказал мужчина с тележкой медной проволоки.

Я отошёл, пропуская его по своим делам. Гляжу на количество меди и задумался. *Где он столько достал? Одна унция такой меди может прокормить тебя на несколько дней вперёд.* Забавно, что он назвал меня седым. Чаще говорили «платиновый» или «бледнолицый» из-за волос. *Да уж... Проклятие «Беты» не скроешь.* Пальцы сами собой дёрнулись, будто поправить несуществующие русые волосы.

Добравшись до парковки, кинул взгляд на свой белый «Сузуки Самурай». Мог бы доехать на нём, но тут идти минут десять. Решил оставить его пока здесь. Гуляя по городу, узнать старую Аркату было невозможно. Хотя я здесь не был до Коллапса, но американские городки такого типа были плюс-минус одинаковы: квадратные кварталы, маленький парк где-нибудь посередине рядом с церковью, а по центру – развязка с хайвеем. Только теперь малоэтажные кварталы превратились в жилые башни, парк, слава богу, остался. А вот развязки вместе с шоссе больше не существует. Теперь тут железная дорога с вокзалом между мостами двух основных улиц. Шум порта сменился гулом работающих двигателей паровозов и дизельных моторов тепловозов. Железные дороги – теперь новые артерии этого мира, в отличие от автомобильных. Асфальт бывает только в городах, за стенами – старая добрая грунтовка, требующая зубастых шин и до-

полнительной бочки дизеля в кузове. На всякий случай.

Я решил остановиться посередине главного моста. Смахнул чёрную пыль с ограждения, оперся локтями.

– Хороший момент, чтобы покурить, – сказал я с долей печали. Ведь курить я бросил настолько давно, что уже и не помню точно когда.

Смотря вперёд вдоль новенькой двухколейки, я видел неподалёку полуавтоматические ворота и бетонные стены с вышками. *Ворота – хитрая штука. Простая механика на рельсах и противовесах. Дежурный открывает по сигналу семафора. Слухи говорят, что прорвать их можно, но тогда поезд нырнёт прямиком под стволы дежурных пулемётов. Остроумно.* Важное уточнение: стандартные поезда из старого времени тут встречаются так же часто, как бронепоезда году эдак в 2030-м. И наоборот.

Насмотревшись на работу ворот, я продолжил топтать вдоль моста дальше. На перекрёстке у въезда на мост я пошел левее, на большой базар, который образовался на месте футбольного поля. Не американского футбола, прошу заметить! А настоящего, европейского. «Soccer», если угодно.

Сюда по конвейерной линии перемещалось всё из разгрузочного терминала вокзала сразу на прилавки. Конвейер, как в аэропорту, был заиклен, так что товар не падает прямо на зону разгрузки, что сильно радовало. В противном случае это был бы дебилизм. Хотя слухи ходят, что в самом начале так и было. Хех...

Я пошёл по самому краю базара, чтобы быстро обойти его и выйти к общественному центру. Он был прямо противоположен моей изначальной точке на входе в базар, но, завернув в нужную мне сторону, я увидел крайне знакомые и желанные в прошлой жизни аксессуары.

Это были самые настоящие коллиматоры под планку «Пикатинни» и один эргономичный, удобный «Deltapoint» с переходником под ту же планку. Раньше такие планки были стандартом для модернизации оружия, ставили даже на новенькие российские автоматы взамен, к примеру, креплению «ласточкин хвост». Удобно, если вдруг у врага прикреплены коллиматор или рукоятка. Можно просто снять с чужого автомата и прицепить на свой.

Я подошёл к тенту с прилавком, не слишком ласково подвинув бродягу, разглядывавшего эти приборы, как кольца в ювелирном.

– Добрый день. Скажите, а вот эти две приبلуды в рабочем состоянии? – показал я на «Deltapoint» и MRS от «Вивера» вроде бы, хотя, может, и китайский. Но не сильно важно.

– Привет, дружище! Конечно, работают, – сказал продавец, стандартно улыбаясь.

– Вот, смотри, сверху и снизу всё крутится. Самое главное – есть тусклая точка! Это настоящий антиквариат! – с великой радостью сообщил продавец.

– А на «Дельтапоинте» что? – уточнил я по второй позиции с большим интересом. Так как интересовал меня имен-

но он.

– С ним не знаю. Не включается. Но он тоже с хранения, из того же места. Просто не включается. Но выглядит как новенький. Выкупишь и его – сделаю скидку! – с широченной улыбкой протягивает мне прицел.

– Ну, давай поглядим, – буркнул я, одновременно забирая прицел у продавца.

На нём было видно, что стекло с покрытием в царапинах, крышка потеряла герметичность, точно пользовали. Внутри плата, скорее всего, гнилая. Так что не вариант. MRS выглядит неплохо, но включил он его с переносной банки питания – дешёвое подобие лабораторного. Значит, батареек нет. Хотя их не производят уже очень давно, не удивительно. Тем не менее, тусклая точка. Может, потенциометр заел или застрял на одном значении, светодиод мог деградировать. Но у меня их много в машине, разных. Так что починить – не проблема. А питание подкину через тонкий провод к внешней батарее, которую можно прикрепить вместе с прицелом на ствольную крышку. Возьму его.

– Оба почём? И на каждый отдельно скажи цену ещё, интересно, какой на сколько оцениваешь, – кинул я на него сосредоточенный взгляд, не удержавшись, ухмыляясь.

– Оба – за унцию. Если брать «дельту» – 15 грамм, в подарок крепление. За MRS – 14 грамм. Если раздельно, то чуть-чуть больше унции получится, – быстро проговорил он, уже давно нарисовав цену в голове.

– Беру прицел, если скинешь за «дельту» грамм, если беру без крепления, а за MRS максимум 12 в долларах. У него регулятор не работает, сам понимаешь, – так же быстро проговорил я с надеждой, что он не поймёт моего замысла.

– Только за MRS в долларах? Ладно, мне так даже удобнее. Договорились, золото только в подсобке взвесим, – указал он на дверь слева от прилавка.

– Не-не, погоди. Я только MRS беру. Он же у меня в руке лежал, «дельту» я тебе отдал, он мне не нужен, – ответил ему, кинув на стол 10 пластиковых карт со штрих-кодами и метками «100 долларов» посередине.

– 40 долларов сдачи тебе на чай, дружище, – добил фразу, остужая начинающееся напряжение.

– Да ты охренел... – с долей гнева, протяжно ответил он.

– Мы договорились, что ты оба купишь, я поэтому и скинул тебе цену. Не буду я тебе продавать, значит. 14 граммов плати. Пониженная цена была за оба.

– Погоди, давай поразмыслим, что я сказал, – прервал я его, начиная парировать.

– Я сказал, что возьму прицел, не прицелы. При условии что будет определённая цена. Я выбрал один, дал тебе наличные, да ещё и с чаевыми. А теперь ты заднюю даёшь? Некрасиво, мужик. Не по-мужски поступаешь! – с более низким тоном кинул я ему претензию.

– Ха! А нормально он тебя подловил, Джейми, – улыбаясь, заметил усатый продавец пыльников в безрукавке по сосед-

ству.

– Заткнись, Стив! Ладно, хрен с тобой, седой. Забирай и проваливай, я из-за таких как ты без штанов останусь, – промычал Джейми с красной, как помидор, головой.

– Приятно иметь с тобой дело. Я как-нибудь ещё забегу! – потопава радостный с новой игрушкой, решил я немного поиздеваться.

Что он ответил вслед, я не расслышал, да и в принципе было всё равно. Хотя немного развлекся, а то последнюю неделю то и делал, что стрессовал по пути сюда.

Уже почти достигнув нужного здания, подумал, что неплохо было бы ещё и выпить. Думаю, успеется после заката, до которого недолго осталось. Да и жары не будет такой, как сейчас.

Обойдя здание местного центра, при входе я увидел большую вывеску с голубым логотипом парусника, тот же самый, что и в порту. Криво висит немного. Не совпадает по размеру с углублением. Будто там часы висели или было круглое окно.

Я распахнул двери, вошёл внутрь, скрипя ботинками об плиточный пол. Здание внутри выглядело как сборная солянка. Куча окон для обращений, как в банках, над каждым окном – вывеска какой-то фирмы или знак полиса. Если от входа свернуть налево, то там были офисы, типография и всякая лабуда по делопроизводству. Какая-то смесь административного здания и коммерции, что ли. Не привыкну ни-

как.

Закончив оценивать внутреннее убранство, зашагал к окну портовой службы, как раз клиент закончил там свои дела.

– Здравствуйте, меня зовут Милена Батар. Можете называть меня Мила. Чем могу помочь? – дежурно, по-английски, поприветствовала меня девушка за стеклом.

– Привет. Мне бы в сторону Азии как-то добраться. У вас в направлениях немного непонятно, кто куда плывёт. Объясните, какие маршруты есть? – я указал на доску, где было расписание грузовых и пассажирских судов вперемешку, номера кораблей и их названия.

– До Азии? Можете попробовать через Гавайи через 3 недели. Или рискнете на Аляску, но обратного билета не будет. А как оттуда – один бог ведает, – быстро проговорила она, но немного удивлённо при упоминании Азии.

– А где гарантированно можно добраться, к примеру, в Ханой? Может, в Комсомольск есть билеты? – продолжал я выпрашивать.

– Ох... У нас в основном прибрежное сообщение. Грузовые из Портленда, может, и ходят, но Комсомольск... Я вообще впервые слышу, чтобы туда кто-то ходил, даже название это впервые слышу.

– Понял. До Гавайев сколько? И если можно, примерно оттуда сколько стоит в Азию доплыть? – с долей надежды спросил я.

– До Гавайев 600 долларов бронь. Далее 3220 до Гавайев.

Оттуда лучше золотом покупать. Наверное, 3-4 унции. Если ходят вообще. Бронировать будете? Билетов немного, – сообщила сотрудница, глядя в бумаги на столе, сверяясь с ценами.

– Давайте пока забронируем, – одновременно со словами подкинул я 6 карт с номиналом в 100. Чувствуя, как жаба начинает меня слегка душить.

– Спасибо за бронь. Отмена возможна максимум за неделю, позднее отменить невозможно, – с улыбкой сообщила мне она.

– Спасибо, Мила. До встречи, – ответив, ушел в сторону выхода.

Небо стало оранжевым, почти как в фильмах про эту часть Америки, будто под каким-то светофильтром смотрю.

Повернув голову немного левее, я тут же вспомнил про свою жажду алкоголя. Потому что за парковкой уже мелькала вывеска заведения.

Я пошагал через дорогу, смотря только туда, словно одержимый. Но не пройдя и десяти шагов, мысли прояснились из-за отчаянного бибиканья и звука тормозов вперемешку с громким матом. Я нырнул вперёд, чисто инстинктивно, уже отщелкиваем кобуру с моим 1911-м. Слышу слова:

– Чёрт побери! Мужик, ты что, под колёса бросаешься? – под адреналином, закончив материться, спросил водила. После чего отшатнулся за открытую дверь, увидев пистолет в моей руке, направленный в его сторону.

– Фууух... Да я не бросался, просто такое желание выпить у меня дикое, что, как бар увидел, двинул туда автоматически. Прости, что вытащил ствол, сам понимаешь, – выдохнув, убирая пистолет обратно и с лёгкой улыбкой, оправдал свой косяк.

– Понимаю, конечно, господи. Ну ты даёшь. За ствол сразу, – рваными фразами ответил водила, но уже явно успокаиваясь. Его взгляд скользнул по моей загорелой, но с бледными, словно не от солнца, платиновыми вихрами голове, по прочной, но выдавшей виды куртке. Взгляд оценивающий, но не враждебный. Взгляд человека, который сам не раз бывал в переделках.

– Слушай, я как раз в бар заезжал. Так что с тебя пиво за твою выходку, – продолжил он.

– Я только за. Всё равно тут никого не знаю. А так хоть компания, хоть и при неожиданных обстоятельствах собираемся, – засмеялся я, окончательно успокоив нервы.

– Ты встань на порог и схватись за раму, всё равно уже почти на месте. Довезу тебя пару десятков метров, – тоже со смешком заявил он.

Мужик докатил меня до бара, после чего он решил перед входом в заведение перекурить, предложив мне сигарету.

– Будешь? – протягивает он мне пачку с торчащей сигаретой.

– Бросил давно. Спасибо, – отказался, но с горечью в душе. Сегодня меня что-то тянет перекурить.

– Меня Алан звать. Ты откуда к нам? – поинтересовался он.

– Алекс. Из Могильника, рядом Лафайетт стоит. Но путь ищу в Азию, – ответил я Алану, немного соврав про происхождение.

– Знаю, дыра та еще. Мародёр? В Азию зачем? – продолжил он спрашивать, забыв про сигарету.

– Да, мародёр. На ту сторону океана хочу добраться до родины родителей. Комсомольск знаешь? – снова скривил я душой, но уже ближе к правде.

– Знаю, – затянулся Алан с лёгким потрескиванием сгорающего табака.

– Отсюда не доберешься. С этого побережья уже не ходят лет как десять. Максимум до островов. Но оттуда ходу нет. Что-то в воде ближе к Японии говорят стрёмное водится, пару кораблей не вернулось. А сухогрузы, сам знаешь, очень уж дорогие, чтобы так терять, – прояснил мне ситуацию Алан.

Докурив сигарету, он предложил продолжить в баре, не забыв про мой должок.

Алан первый зашёл в заведение, я за ним.

Меня встретил полумрачный бар с освещением из ламп накаливания по игровым столикам; древние гирлянды были навешаны вдоль стены со столиками и двумя диванами по обе стороны, как в забегаловках в старое время. Бар был выполнен из секвойи с нарезными надписями и рисунками животных. Алан показал четыре пальца бармену и присел за

столик рядом со статуэткой опоссума.

Я плюхнулся на диван – он оказался на удивление удобным, будто я десятилетия стоял и только сейчас сел. Едва бармен поставил кружки, я первую выпил залпом, со вкусом. Даже проронил слезу от удовлетворения. Алан, не начав пить, удивлённо смотрел на меня.

Но всё-таки сделав несколько больших глотков, он начал диалог.

– Из Лафайетта, значит. Говорят, у вас там с топливом худо стало после нападения «Ржавоедов». Цистерны подорвали в терминале.

– Не интересовался, видимо, я уехал до этого события, – не зная об этом событии, сухо попытался я съехать от прямого ответа.

– Так ты же оттуда, как не знать-то? Ты хоть знаешь, когда это было? – продолжал он настаивать на продолжении темы.

– Слушай, Алан. Я уехал оттуда давно, вот от тебя эту новость и узнал. Да и не так мы близки, чтобы я тебе своё прошлое рассказывал, – более жёстко решил я осадить его.

– Ладно, ладно. Я понял. По поводу кораблей, кстати. Что будешь делать? – продолжил прошлую тему Алан.

– Я забронировал себе место до Гавайев. Хотел туда отправиться. Но поспрашивать людей в порту не помешает. По крайней мере, такой был план.

– Лучше отменяй. Я ходил на кораблях до Гавайев и Аляски – это билеты в один конец. Два края света. Единствен-

ное, что могу посоветовать – Ньюбург, севернее могильника Нью-Йорка. Крупнейший порт на той стороне. Но кто полис контролирует и какие там дела творятся, я не знаю, – вспоминая, медленно разговорился Алан.

– А на Миссисипи или в районе Хьюстона не осталось портов? – уточнил я, начиная вытаскивать карту.

– Есть вроде бы в Хьюстоне, смогу показать на твоей карте примерно где. Он всего один там. На Миссисипи не надо. Они там между собой торгуют, да и места дикие, говорят, – бурчал Алан, рисуя мне точки на карте.

– Если ничего здесь не найдёшь, то точно могу сказать, что Ньюбург отправляет корабли в Лиссабон. Потому что оттуда товары аж до сюда доходят. Вино там, наркотики, фарма. Но как ты туда добираться будешь – тот ещё вопрос. На поездах разоришься. А в районе Миссисипи водится такое, что рельсы ломает регулярно, корней много, – уточнял Алан важные детали, размахивая руками, показывая нечто непонятное.

Из классифицированного – только корни. Что ужасно.

Корни. Самая засада из всего этого ГМО-шиза, который распространился повсюду. Выглядят как обычный бурьян, а под землёй – адский бур. Растут со скоростью пожара, бетон для них – как мягкий сыр. Остановишься на полчаса – возвращаешься, а у машины колесо уже белым млечным шупальцем насквозь прошито. И главная гадость – они землю под себя готовят. Где они прошлись, там на следующий

день уже ядовитый плющ или какая-нибудь плетяная лиана всходит. Ландшафт меняется быстрее, чем карты рисуют.

– Спасибо, Алан. С меня ещё пиво. А сейчас давай выпьем за встречу! – чокнулся я с новым приятелем и выпил залпом вторую кружку, показывая четыре пальца в сторону барной стойки.

Полис-порт Арката. 29 мая 2115 года. Бывшее США. Утро.

Наутро голова гудела, как паровоз. Я вспомнил, как вчера в баре с Аланом мы обсуждали мой дальнейший путь, потом снова пили. Далее пошёл разговор за жизнь, уважение, переход к крепким напиткам. Дальше, сами понимаете...

Хорошо, что около бара была гостиница, куда я закинул тушку Алана, протрезвев от погрузки его могучих телес в номер. Оставил ключ внутри, попросив закрыть после этого дверь девушку на ресепшене. Сам отправился в соседний номер спать.

Сейчас мы сидим с Аланом, завтракаем в этом же баре. Атмосфера совершенно другая. Светлый бар благодаря множеству открытых окон, откуда просачивается свет прямо видимыми лучами сквозь плотный воздух, наполненный паром с кухни, пылью и дымом сигарет от посетителей.

– Ну что, Алекс, решил, как поедешь? Через Йеллоустоун или рискнёшь по Долине Смерти? – жуя белковый концен-

трат, спросил Алан.

– Слышал про правило? «Когда я ем, я глух и нем», – перевёл на английский я стандартное правило поведения за столом в России.

– Не, впервые слышу. А что, в Лафайетте все молчат за столом? – проглотив порцию, поинтересовался Алан.

– Да не то чтобы все. Но в нашем доме точно.

– Странное правило. Типа, говорить надо до или после еды? – Алан, кажется, решил последовать правилу из интереса, не продолжив трапезы.

– Да, честно говоря, сам не всегда следую, – откусил я белковый брикет и улыбнулся Алану, сочно разжевывая питательную массу, проговаривая что-то непонятное даже для самого себя.

– Говнюк, – буркнув, Алан сразу же закинул кусок массы себе в пасть.

Мы оба поняли, что поговорим после еды.

Пища по всему побережью не была сильно разнообразной. В основном из-за цены. Натуральные продукты стоили огромных денег.

В основном обычные люди ели концентраты или ГМО-продукты, от которых частично мир и погрузился в хаос, хоть это и не основная причина. Зато теперь то, что быстро растёт и убивает людей, замещает обычные виды флоры или фауны, очень даже неплохо кормит людей, которые собирают с них плоды.

Тем не менее люди стараются сохранить старые виды растений и животных.

– О чём задумался? – доев, спросил Алан.

– О ценах на свинину, – с грустью сказал я, отодвинув тарелку с остатками брикета. Алан, фыркнув, достал сигарету.

– Понятно, что молчал. Я её уже год как не ел. Ползарплаты стоит килограмм. А я не король. Лучше в Рино скатаюсь и обратно, покутив в казино, чем на один ужин потрачусь, – продолжил он, в процессе разговора выдыхая дым вместе со словами.

– А ты кем работаешь, Алан?

– На вокзале, за распределение грузов отвечаю. Нормально там. Машину купил, крыша есть над головой, катаюсь по полисам в отпускные, – начал перечислять, открывая поочередно пальцы.

– Слушай, а в Рино добраться из Реддинга реально? Я туда собираюсь поехать, – перебив его, начал расспрашивать.

– Покутить захотел? От Реддинга есть поезд, который через болота Сакраменто проходит. Прямо до Рино, – сказал с воодушевлением Алан.

– А до Реддинга пока железной дороги нет?

– Нет, только объезд через Медфорд. Но там сейчас проблемы. Отправляют только в сторону Портленда, на юге в горах завелись мрази какие-то. Включая людей. Два поезда уже потеряно, – заметно помрачнев, сообщил Алан.

– На машине через серпантин? – продолжил я диалог.

– Да, по пути два аванпоста от Аркаты и Реддинга стоят. Но, опять-таки, горы. В составе колонны лучше, чем одному, – дополнил он.

– Слушай, а погнали вместе? У меня как раз в планах поехать туда с сыном. Он в медцентр полиса рвётся, – предложил он вариант.

– Там есть медцентр? – удивился я. Здесь это редкость, как никак.

– Да, и большой. Да и производств там много. Сохраняли как могли, полис-то промышленный.

– Достойно! – удивился я, мысленно уже соглашаясь с его предложением.

– Давай тогда застолье оплатим и поедем к порту. Я тебя подкину, там обсудим с мужиками, не мы одни такие туда рвемся на днях. Машина-то есть у тебя, или бомжом собрался?

– Не, «самурай» у меня есть. Машина древняя, но надёжная, как раз в порту и стоит, – ответил, показав большой палец.

– «Сузука»? – Алан присвистнул, смотря на меня как на пришельца. – Ты серьёзно? Сейчас если «Сузука» и есть, то это ж новодел, только вид другой. Найти живую, с тех времён – это ж надо быть олигархом или безумным кладоискателем. Они все еще в прошлом веке сгнили, если, конечно, не пылились в бункере.

– Ага, в бункере я её и нашёл, – пошутил я.

Разговор продолжался недолго. Закончился, когда двери машины Алана захлопнулись и мы покатали к порту, и через пять минут я ждал его в машине, уставившись на терминал.

Он попросил посидеть, пока говорит с людьми около броневикумов и грузовикумов.

А я ждал. Люди в лесном камуфляже не выглядели как наёмники для защиты каравана. Скорее всего, оборонные бригады Аркаты. Подсумки, кобуры, броники – всё одинаковое. Оружие только разношерстное, но всё похожее на AR-15. Скорее всего, на этой платформе и собранные. Грузовикувы вызывали уважение. Мощные шипастые колёса, безвоздушные, к тому же, чёрт возьми, где только такие нарыли? Кузова из толстого металла с задвижками под автоматы. Бакувы не вижу, где-то спрятанные, чтобы шальная пуля не залетела, видимо.

– Ну дела-а-а, – даже вслух сказал я, рассматривая эту машину.

Броневикувы были даже с активной защитой, сплошными прямоугольниками покрывая основные зоны, куда может прилететь болванка или снаряд от гранатомета. Один сделанный под КШМ, второй с башней и двумя спаренными пулеметами, один в один похожими на «Браунинг». Расположили их примерно так же, как стволы у древней «Шилки».

Дверь в машину открылась, Алан прыгнул в кресло. Дёрнул тумблер у зеркала заднего вида, открылась выемка под документы, где виднелись разноцветные карточки.

– С ними поедем. Надыбал выездные пропуска с конвоем. Я нас оформил как подрядчиков, так хоть бесплатно поедем, но с тебя сотня всё же. Сам ты бы их не достал. – Под «их» он имел пропуска жёлтого цвета, с логотипом руки с перекрещенными пальцами. Типа, «с богом», что ли? – подумалось мне.

Алан положил карту в отсек к документам, после чего туда же кинул мою карту с номиналом в 100 долларов, которую я ему протянул.

– А ты ничего просто так не делаешь, как я посмотрю, – я сдержал вздох, доставая кошелёк. Жадность боролась с прагматизмом.

– Разумеется. Но потом спасибо скажешь, все дороги в горы банды пытаются крыть, так ещё и животинки всякие водятся, непредсказуемо, короче, – обосновал Алан.

– Ты, кстати, на «Сузуку» хотел мою глянуть? Она в конце порта, где пирс в берег переходит, – указал ему направление.

– Конечно хотел! – рявкнул он одновременно срываясь с места.

Алан рванул с места так, что меня в кресло вжало. Через пару минут его железный конь уже выруливал на пустынный пирс, где на фоне свинцового моря стояла она – моя «Сузука».

Со стороны – просто старая японка, выдавшая виды. Но это лишь маскировка. Невидимые снаружи бронепластины, багажник на крыше, «кенгурятник» с лебёдкой. Внутри –

всё, что нужно, чтобы выжить: решётки на окнах (откидываются изнутри, если нужно высунуться со стволом), зубастые пуленепробиваемые покрышки, крепления для оружия на потолке. А вместо магнитолы – тумблеры для сброса дымовых шашек из скрытого отсека под багажником. Люк на крыше – для обзора или побега.

Я наблюдал, как Алан прыгает вокруг неё, заглядывает под днище, хлопает по крыше. Его восторг был понятен – в мире, где гоняют на утилитарных «самураях»-репликах, найти живую легенду с историей всё равно что найти клад. Он хлопнул меня по плечу – мол, ты шаришь. Без лишних слов договорились встретиться вечером у него дома. Завтра – в Реддинг.

Глава 2. Серпантин.

Полис-порт Арката. 30 мая 2115 года. Раннее утро.

Алан жил на севере Аркаты, в узком таунхаусе у самой реки. По местным меркам – жилье зажиточного человека. Обычные работы ютились в муравейниках, вросших в стену полиса, или в башнях, от которых несло бедностью и потом. Мы вчера рухнули спать за полночь, и я не успел ничего рассмотреть. Зато теперь утреннее солнце било в окна, выхватывая из тени каждую деталь: тесную, но уютную кухню, ломящуюся от утвари; деревянную плиту, от которой еще пахло жженой древесиной и отдавало жаром. Скромную гостиную с диваном, заваленным подушками, и стеллажи, забитые книгами и всяким хламом. Мы молча сидели за столом, в воздухе висел запах готовящейся еды и слышалось мерное потрескивание поленьев.

Сын Алана уже спускался к нам. Парень был худощавым, высоким, даже чуть выше своего крепкого отца. Несмотря на смугловатую кожу и карие глаза, общие черты с Аланом угадывались сразу – тот же разрез глаз, форма носа. Алан, тем временем, потягивался, и в свете, бившем из окна, было видно, что он – крупный, мощный мужчина, скорее итальянского, чем англосаксонского типа. Темно-русые волосы, карие глаза, небольшой лишний вес, скорее добавлявший ему

солидности, чем портивший фигуру. Он был в своих привычных брюках карго и поло, будто только что вернулся с работы, а не проснулся.. Жена, имя которой – Хелен Фиерро чистая мексиканка, уже ставила на стол шкворчащую массу из обрезков неизвестного мне мяса и овощей.

– Знакомься, Алекс, мой сын Лукас. Лукас, это Алекс. Он поедет с нами до Реддинга, – начал знакомить хозяин дома со своим сыном, который только-только подходил к стулу.

– Рад знакомству. Отец говорил о тебе. Правда, впервые вижу, чтобы он приводил гостей почти сразу после знакомства, – начал он говорить, пожимая мне руку и присаживаясь за стол.

– У нас просто знакомство вышло нестандартное, зато душами сошлись, – со смешком ответил я Лукасу, опершись на спинку стула своим локтем.

– Алекс, а чем ты занимался вечером, как мы расстались? Приехал дико поздно ты, конечно, – спросил Алан, накладывая себе в тарелку огромную порцию, после чего начал вываливать крайне вкусное, как на вид, так и на запах, рагу.

– В основном сборами. Камеру хранения опустошил, после чего забрал сменку из гостиницы, обменял деньги на золото и медь. Вряд ли я вернусь в этот полис в скором времени. В Реддинге же другая валюта? – передав миску с рагу Лукасу, ответил я.

– Да, в Реддинге золото в ходу, а также золотые акции, которые в ходу по всей Долине Смерти, вплоть до Рино. Так

что ты правильно сделал. А после этого что было? – продолжил тему Алан.

– Я прицел себе купил на рынке. Занимался доработкой, провозился долго, так как светодиод нормальный подбирал, да и резистор переменный пришлось устанавливать отдельно, – не сообразив упростить свои мысли, выкладывал вслух как есть.

– Ничего не понял, если честно, я в этой технике вообще не понимаю. Короче, приبلуду себе смастерил для оружия, как я понял, – сказал больше для себя, чем для меня, Алан.

– Именно, – закончил для нас обоих мысль я.

– Покажешь? – спросил Лукас с явным любопытством, слушая нас до этого не перебивая.

– Как к машинам пойдём – без проблем. А сейчас предлагаю помолиться и поесть, – предложил я, увидев, как жена Алана закончила накладывать еду и себе.

Никто не возражал. Алан произносил молитву за столом, поблагодарил бога за еду, и все приступили к трапезе, не проронив ни слова до самого конца. Надо отдать должное Хелен – потрясающе готовит, – в мыслях похвалил я её, пообещав сказать это вслух, когда закончим есть.

Поблагодарив Хелен за чудесный завтрак всеми словами, которые я мог перевести с русского для описания вкуса, и заставив её покраснеть, мы двинулись к машинам. Я не стал участвовать в ритуале временного расставания членов семьи, оставив этот интимный момент только для них, за что

получил еле заметный благодарный кивок Алана.

Пока глава семьи закидывал сумки, оружие и остальные вещи, на которые я уже внимания не обратил, мы с его сыном подошли к моей машине.

Открыв водительскую дверь, пальцами расстегнул потолочное крепление и вытащил свою винтовку АК-19 с установленным прицелом на ствольной коробке.

– Впервые вижу такую винтовку, – удивлённо сказал Алан, будто хотел сказать это в мыслях, но вырвалось вслух.

– Это АК-19 американского производства, после тендера в прошлом веке по контракту производили. Нашёл в одном из складов в могильнике. Под американский патрон, – немного приврав, объяснил я ему.

– А справа от прицела это что? – показав на пластиковую небольшую коробочку, спросил Лукас.

– Это внешняя батарея и что-то наподобие диммера, чтобы яркость прицела повышать и понижать. Если понимаешь, о чём я говорю, – тыкая пальцами, рассказываю про каждую деталь.

– Понимаю. Я изучал технику в здешнем универе. Но потом правда сменил профиль на медицину, – всё ещё разглядывая прибор, говорил Лукас.

Мы продолжали болтать на тему, которая, как выяснилось, была интересна нам обоим; я показывал ему свои разработки в другом оружии, рассказывал, как работает гранатный отсек в машине и другие самодельные приبلуды. Но не успев

поведать ему всё, что хотел, раздался резкий гудок Алана. «По машинам!» – крикнул он, высунувшись из окна.

Мы поехали в сторону моста к реке, вытекающей из горной долины. Видно было ещё на подъезде, как у ворот собралась нехилая колонна из восьми грузовиков стандартных, четырех бронированных с кунгом для охраны, которую мы видели в порту, и двух броневинов в начале и конце колонны. Нас пристроили ближе к началу, где стояли джипы.

Алан сделал мне какой-то непонятный знак и вышел из машины. Я, поразмыслив секунду, понял намёк и последовал за ним в сторону КПП. Шаркая ногами, я догадался вытащить ту карту, которую он мне дал, а он, увидев желтый пластик у меня в руке, стукнул себя по голове, матерясь про себя, побежал обратно к машине.

– Лошара, – даже вслух проговорил я по-русски с улыбкой.

На КПП у нас забрали карты, отсканировали их, отпустили с богом. Как выяснилось, одному в машине ехать нельзя, по соображениям безопасности, разумеется. Минимально – один стрелок и один водитель, не меньше. Так что ко мне посадили угрюмого негра с автоматом, который начал пялиться на игрушку Чебурашки, висящую у меня на зеркале. К Алану не посадили никого. С сыном ведь.

Прождав часа три, подкатали еще и автобусы с людьми. Видимо, пассажирские рейсы в Реддинг всё же были, хоть и нечастые. Глава колонны, пристроив автобусы в хвост, дал

сигнал к открытию ворот. Стальные затворы расстегнулись, распахивая ворота в стороны при помощи мощных гидравлических механизмов, пропуская колонну к мосту в дикий, пустой мир. Заревели моторы, повсюду слышны возводящие щелчки ствольных коробок пулеметов, адреналин снова начал заигрывать в крови. Колонна двинулась в путь.

Как только мы проехали мост, я увидел такое же зрелище, как и в периметрах остальных полисов. Чёрно-серая мертвая зона. Всё вокруг выжигают раз в несколько месяцев, чтобы агрессивная фауна не пробивала своими корнями стены, а семена растений не успевали прижиться в земле. Через полкилометра начинался зеленый ад, как в джунглях Амазонки, если сравнивать с прошлым. На месте городов прошлого бывали пустые поляны, заросшие травой или вообще голая земля вперемешку с мусором.

Подъезжая к местечку с названием Блу-Лэйк, вдалеке я заметил здание пустого казино. По крайней мере, так сказал мой сосед. Но вглядываясь, он вдруг начал говорить в рацию.

– Красный, код 10, справа здание казино, – повторил он эту фразу три раза, после чего прозвучал громкий сигнал, который означал остановку конвоя.

После остановки чуть вперёд укатили броневики, метрах в ста впереди остановились и начали обстрел из всех пушек по тому зданию, где несколько окон были светлее остальных. Свет горел.

Не успев рассмотреть в бинокль, который я достал из кар-

мана в двери машины, как здание покрылось чёрными пятнами от зажигательных и взрывных боеприпасов. Окончательно я обалдел, когда услышал свист, а через мгновение увидел вспышку со стороны казино. После вспышки казино уже не было, а лишь начинающийся пожар на развалинах.

– Что это было? – с широченными глазами спросил я испуганно у Брендона. Так звали члена свиты, которого ко мне посадили.

– Во время мародерки обнаружили трупы детей в том казино. В горах твари образовались, которые на отряды мародеров нападают, вообще никого не жалеют. Вот и мы их не пожалели, – пояснил он с твердостью в словах.

– А откуда уверенность, что это именно они? Что там детей не было в моменте?

– Так все полисы вплоть до Реддинга оповещены, что в этом месте даже мародерка запрещена, долго рассказывать остальное. Факт один: все, кто там есть, должны быть уничтожены, – объяснил мне Брендон, будто инструкцию зачитал.

– Артиллерия била? – показываю пальцем на пепелище.

– Ага, она самая. У нас заранее на ключевые точки орудия наведены. Чтобы по первому приказу бахнуть, – объяснил он мне.

Сразу после его слов прозвучал сигнал от главы колонны. Двинули.

Пока колонна разгонялась, я смотрел в сторону городка.

Зрелище было сильное. Здание обвалилось полностью, вокруг всё горело. Скорее всего, напалмом вдали помимо бомб.

Давно заметил, что в нынешнее время, если разговор заходит о детях, любой мало-мальски здравомыслящий человек входит в состояние зверя. Даже отморозки по типу «Ржавоед», наводящие страх на всю область вокруг могильника Сан-Франциско, еще ни разу не были замечены за расправой над детьми; всегда один из членов банды привозил детей на форпост, если такие были в каком-нибудь ограбленном караване. Таких посыльных запрещено было трогать.

Когда городок скрылся из виду, начинался серпантин, накрытый лесом как покрывалом. Хотя иногда были просветы без деревьев, по рации сообщили, чтобы закрыли окна – дабы поменьше ядовитых спор, газов и всякого гнуса проникало в машины.

В принципе, находиться в таких лесах можно, но это примерно в три раза опаснее диких джунглей в прошлом. Я еще не знал целой картины с флорой, но понимание было: в некоторых местах лучше долго не дышать, на земле не спать, машины надолго не оставлять. Если воздух кажется слишком плотным или меняет цвет – нужно валить из этого места. Долго дышать там нельзя.

Насчет цвета воздуха – это трудно представить, понимаю. Но по моим наблюдениям, это как посмотреть на плотные облака, через которые пробивается свет. Ты видишь лучи, но

понимаешь, что они проходят через плотный воздух, видишь какие-то частицы. Или как в бане – ощущаешь воздух, будто его можно потрогать. А смотришь вокруг – будто фильтр на глаза накладывается. Конкретно у меня все вокруг стало чуть более оранжевым, что ли.

Стало откровенно скучно, ничего нового не было видно, так что решил поболтать с Бренденом. Но он меня опередил.

– Я все не могу понять, что это такое? – Указывает он на игрушку Чебурашки, висящую у меня на зеркале. Знал бы он, сколько этой игрушке лет.

– Это Чебурашка. – Постарался произнести название этого существа так, чтобы ему, как американцу, было легче повторить. – Существо из мультфильмов прошлого, ему больше ста лет, он был известен вплоть до самого Коллапса. – Продолжил объяснять я про это ушастое чудовище. Которым, судя по взгляду, считал его Брендон.

– Ничего себе, братан, а еще такие где можно достать? Я бы сыну своему подарил. – С блестящими глазами уставился на меня он.

– Думаю, что на этом континенте, с гарантией 99%, такой игрушки нет ни у кого. В бункере нашел. – Оправдался я, понимая, что не стоит рассказывать, что я с этой игрушкой разъезжал по Сан-Франциско очень и очень давно.

– А что у тебя с волосами? Не седые, а какие-то белые или платиновые что ли? – Переключил внимание Брендон на мою внешность. – Ты не болеешь часом? Серой Чумой? – С

опаской он спросил, немного отстранившись инстинктивно.

– Да не бойся ты. Сам понимаешь, меня бы не пустили в Аркату, если бы болел. Увиделись бы только в карантине, где я стремительно стареющий помахал бы своей ручкой тебе через герметичное стекло. – Решил опробовать я черный юмор на нем. Забавно получается же?

– Ха-ха, ну да, логично. – Засмеялся и успокоился он. – Ну а волосы почему такие?

– Да дрянь какую-то съел с голодухи во время мародерки, а оказалось, неклассифицированное растение попало. Мучался потом, побочка вот такая оказалась. Но живой, как видишь. – Объяснил я заученную байку.

– Действительно повезло тебе! Бывает даже в столовке какой-нибудь помидор генно-модифицированный попадется неизвестного происхождения, так все, кто ели, – в больницу, или на толчок до следующего утра, а то и это... Сам понимаешь. – Конец фразы он выдавил с трудом. Видимо, что-то случилось, что на нем отразилось.

– Согласен, опасная нынче еда, только если за концентрат переплачивать, так хоть гарантия, что не скопытишься. – Дотянул тему я и решил переключиться. – Горы начинаются. Далеко до аванпоста?

– Не, минут 30 в таком темпе, может и больше, если еще сильнее ход сбавим. – Инструктировал меня Брендон.

Дальше мы разговаривали в основном о бытовухе, а местами молчали, смотря в окно. Посмотреть было на что. Мы

поднимались по серпантину все выше и выше, обзор стал шире, пока мы не увидели долину. Почти вся хвоя, чем была знаменита горная местность Калифорнии, была стерта высокими, пышными, обвитыми лианами и корнями деревьями. По стволам которых можно было увидеть ярко-зеленые полосы, похожие на вены. Но в местах с каменистой породой они не росли, именно там и остались хвойные растения, так мне привычные. Интересно, что в русской тайге? Там так же джунгли повсюду?

Спускаясь ниже, снова весь взор затмил великий молодой лес, но теперь в окне виднелась легкая пелена. Не самый хороший признак. Рация приняла сигнал.

– Снижаем скорость, пелена впереди, это точно не туман, приборы доказывают. – Передача закончилась, я решил поинтересоваться:

– Брендон, что за пелена? Не слышал о ней никогда.

– Трудно сказать. Непредсказуемая хрень. Возникает вот как раз между таких гор невысоких с кучей растительности, но не часто. – Пытается объяснить, активно жестикулируя.

– Попытайся объяснить, что вообще ожидать сейчас? Я же вижу, что все настороже, в зеркале ребята на машине вообще на измене сейчас, судя по лицам, поэтому и мне сейчас жутко. – Наливая голос нотками страха, начинаю расспрашивать.

– Короче, это такой газ, типа пара что ли, не знаю. Плотной завесой местность покрывает, привлекает корневики и

щелкунов. Поэтому все и волнуются. — Объяснил Брендон как мог. А я попытался перевести его слова, которыми он пытался существ называть. Везде их по-разному называют, но всегда очень похоже. Попытался уточнить:

— Это пауки, с ногами как корешки с листиками, которые, и такие длинные твари на грызунов похожие, только большие? Правильно понял?

— Ага, они самые. — Кивнул Брендон.

— Твою то мать, опять металл на машине выправлять. — С грустью сказал я вслух свои мысли. Вспомнив свой опыт.

Брендон замолчал, надел газовую маску и приоткрыл окно, вытащив свой автомат в сторону скал. Туман стал намного гуще, звуки леса затихли. Так что сквозь звуки моторов было слышно, как крутятся турели и трясутся из стороны в сторону пулеметные ленты. В таком напряге мы ехали минут пять, сердце стучало как бешеное от страха.

Успокоился я от звука стрельбы почему-то. Тишина давила на меня, и я сам не ждал, что мой страх развеет начало стрельбы. Чуть позже застреляли спаренные «Браунинги» броневики, колонна полностью встала. По рации обрывками передали команду о боевом положении. Я вскинул свой автомат и приоткрыл окно, просунув ствол в решетку. Мы с Брендоном сидели в нелепых позах, жопами друг к другу, что меня даже немного развеселило.

Услышал первый выстрел Брендона, в уши здорово так отдало. На скале чуть левее от места, куда я целюсь, увидел

невероятно проворную тварь, перекидывая свою тушку из стороны в сторону, укрываясь за камнями, приближаясь к машине впереди от нас. Когда она скрылась за камнем, который от моего дула был прямо сбоку, я нацелил красную точку коллиматора прямо на голову щелкуна, по голове и опознал. Потянул курок, толчок в плечо, пуля влетела в шею твари, сразу повалив ее на камень.

Это было будто сигналом для леса, и сверху из леса повалила толпа щелкунов и пауков-корневигов. Я промахнулся пальцем, не смог переключить сразу огонь на автоматический, пальнул в пустоту одиночным, со второй попытки переключил. Трясущимися руками начал палить в ближайших существ короткими очередями, повалив несколько. Но как магазин опустел, в дверь начали ломиться пару пауков. Нажал на кнопку сброса магазина, услышал стук около ноги, после чего вставил следующий, потянул ручку затвора, патрон с лязгом дослан в патронник. Потянул ручку двери на себя и со всей дури ударил по дверной пластине ногой. Корневики отлетели от двери, после чего я дал по ним по паре очередей и сразу закрыл дверь обратно. Продолжил стрелять из окна. На этот раз я следил за патронами: когда покажется трассирующий, значит, надо менять магазин, чтобы снова затвор не дергать. Увидел тварь на крыше машины соседа, открыл люк, заодно проверив через бронированное стекло на нем, что никого там нету наверху. Высунулся и направил автомат в сторону машины. Быстро навелся коллиматором

(удобно то как) и выстрелил очередь в тварь. Пучок корней обмяк, а я заметил, что последний патрон в очереди был трассирующий. Нырнул обратно, сменил магазин, но стрельба внезапно стихла.

Голос в радиии:

– Закончили, распугали походу. Доложите о состоянии продолжать движение, по номерам машин.

По радиии начали по номерам докладывать про состояние машин, потерь и прочее. Доложил и Брендон.

Потерь не было, кроме одной машины, где дверь была в мясо раскорёжена, мужику чуть руку не оторвало, если издали судить. К нему в машину прыгнул один человек из бронированного грузовика. Спустя минут пять все машины были готовы.

Брендон дал мне отмашку, что можно заводить, и когда машина впереди начала движение, мы тоже тронулись, цепляя гильзы покрышками.

Проехав мимо пары временных лагерей неясного назначения и брошенных на произвол судьбы, мы нырнули в самую гущу пелены. Она сгустилась до состояния молочной стены, за которой не было видно даже капота своей машины. Меня начало трясти – не от страха, а от адреналинового отходняка. Тело сдавало после боя.

– Можешь не бояться, мы уже совсем близко, – сказал Брендон, и в его голосе слышалось спокойствие, которого я был сейчас лишен.

– Так пелена непроглядная! Какой тут может быть аванпост? – не понимал я.

– Сейчас сам все поймешь. Объяснять – дольше будет.

Пелена вокруг бушевала, словно живая, яростно билась о стекла, пытаясь прорваться внутрь. И вдруг... мы буквально выехали из стены. Туман исчез мгновенно, словно его и не было. В салон со свистом ворвался ветер, а на моем лице маска сосредоточенности сменилась немым шоком. Челюсть отвисла, глаза полезли на лоб.

Передо мной был аванпост «Тринити», бывшее Уиллоу-Крик. Металлические конструкции, похожие на скелеты древних роботов, вырастали прямо из невысоких бетонных стен. На самых высоких балках, упираясь в небо, стояли исполинские вентиляторы. Их лопасти, вращаясь с низким гулом, отбрасывали ядовитую пелену обратно в долину, создавая невидимый купол. К этим монстрам тянулись толстенные кабели, пульсируя энергией.

А за стенами открывался вид не на форпост, а на целый город, словно сошедший со страниц стимпанкового романа. Бронзовые трубы, словно артерии, оплетали жилые башни. Ажурные металлические переходы соединяли здания на разных уровнях. Повсюду царил полумрак, разрываемый лишь алыми вспышками сварочных аппаратов и тусклым светом аварийных фонарей. Воздух был густым от запаха машинного масла, дыма и металла.

– Странно... Сейчас часов пять вечера, – пробормотал я.

– С чем связан такой полумрак?

– Тебе повезло увидеть это. – Со смешком ответил Брендон. – Пелена так воздействует. Явление пока еще изучают. Но как только пелена скатывается в долину, все вокруг темнеет. Как ее не развеивай, но влияет она на всю округу. – Поделится знаниями он.

Ворота вдаль со скрипом распахнулись. После сигнала колонна въехала в аванпост. Толстенные стены дали ощущение безопасности, и меня окончательно отпустило. Парковка была слева от въезда, ближе к реке, там всех и расположили.

Заглушив мотор, я увидел, как некоторых людей из автобусов встречали и обнимали местные. Видимо, не все едут в Реддинг, – подумал я.

– Ты меня слышишь? – Трясет меня за плечо Брендон.

– Не, прости, в мыслях был. – Растряс голову, чтобы взбодриться немного. Настолько был в шоке, что не слышал соседа.

– Ладно. Повторяю. Сегодня все здесь ночуют. По пелене не поедem дальше, расползлась сильно. Ждем рассвета, так она хоть послабее будет или совсем уйдет. Так что ищи гостиницу, осмотрись. Встретимся здесь в 7 утра. Колонна поедет в 8. Все, я погнал к своим. До завтра, Алекс. – Хлопнул меня по плечу явно торопившийся Брендон.

Не стал я его задерживать, закрыл машину и побрел в сторону ворот, хочу узнать, как додумались до таких установок и как вообще этот аванпост живет.

По пути справа от меня было здание – судя по вывеске, гостиница. Решил сразу номер снять, чтобы потом не искать, а то вдруг все лакомые места займут?

Открыв дверь, в нос ударил запах жареного, не знаю чего. Мяса или концентрата. Желудок согласился, озарив помещение своим бурлением.

Стойка регистрации была в таком неприметном месте, что казалось, будто это гардеробная какая-то. Подошел к стойке, нажал на колокольчик.

– Сейчас подойду! – Обратился ко мне женский голос из подсобки.

Пока ждал девушку, глянул на лист около звонка. Там были расценки на номера. Строго в золоте и меди, также принимали патроны, но курс такой себе. Вспомнилось, что денег у меня осталось не то чтобы много. Помародеррить придется скорее всего, как доберусь в Реддинг, ну или на крайняк в Рино. Пара унций золота, а то и меньше насчитал.

– Привет! Номер стоит грамм за ночь, есть со своей ванной и большим столом, люкс своеобразный за 3 грамма. Какой берете? – Быстро проговорила девушка с легким мексиканским акцентом.

Любопытно, что я еще не встречал людей, говорящих на испанском даже между собой. Видимо, частичная изоляция в американских полисах заставила людей родом из мест южнее полностью влиться в социум большинства, но акценты еще остались, как последнее напоминание.

– Давайте люкс. – Сказал я, доставая одну из крохотных шкатулок для золота. Я в каждую вкладывал по 5 граммов.

– Подождете часик? Люкс подготовить надо, зато на всем свежем спать будете. Или вам лучше прямо сейчас? – Уточнила девушка.

– Да погуляю пока. – Улыбнулся вежливо.

Кивнув, я пошел в сторону запаха еды, входные двери открылись, я кинул взгляд в ту сторону и увидел Алана с сыном. Черт, совсем забыл! Мы же вместе ехали, а я от адреналина вообще забыл о его существовании.

– Алан! Прости, совсем забыл после пелены, что мы вместе, вспомнил только сейчас. – Попытался оправдаться я.

– Да ничего, самих трясет до сих пор. Сколько раз ездили, ни разу не попадали на такое, только на легкую дымку. Здесь остановился? – Непривычно медленно и не громко, уставшим голосом ответил мне Алан.

– Да, люкс себе взял, часик подождать надо, так что покушать собрался, у тебя какие планы?

– Люкс? Нафига тебе он? – Видимо, он не понимает, почему я разбрасываюсь деньгами. А причина есть.

– В люксе места много, стол есть, где я разобрать оружие могу и почистить после стрельбы. Снаряжение в порядок привести, да и себя в целом. – Дал ему развернутый ответ.

– Разумно. – Кивнул Алан.

– Пожрем?

– Разумеется! – С готовностью он согласился.

В конце коридора над перегородкой висела неоновая вывеска с тарелкой супа и надписью “ресторан отеля”. На английском, разумеется.

Мы зашли, помещение было с прямоугольными окнами, низко посажены, в остальном довольно светлое, почему-то изнутри сайдингом обшитое. Свет яркий, белый, на столиках скатерти с узорами, похожими на волны. Барная стойка сделана из дерева, покрашенным в такие же тона. Светлое, приятное место. Напоминало добротную столовку, но кто-то явно пытался придать ему ресторанный лоск. Мы сели за столик вместе с Лукасом, пока Алан покупает пиво в баре.

– Впервые за жизнь покинул полис... Смотрю на свои руки – до сих пор не верю! Рассказывали одно, а наяву... наяву это так страшно! – Рассказал мне о своих ощущениях Лукас.

– Мне кажется, все то же самое почувствовали, что и ты, дружище. – Хлопнул ему по плечу, оставив на нем свою руку. – Я от могильника до Аркаты видал таких, но поштучно. Чтобы такая толпа, да еще и в пелене такой... Честно говоря, я даже нормально стрелять не мог. Живы мы. – Рассказал я ему немного о своем опыте.

– Да по тебе вообще не видно, что ты сейчас боишься! Сидишь расслабленный, как у тебя только это получается? – Даже чуть со злобой спросил.

– Боюсь. Но как в город заехал, начало отпускать. Я и, скорее всего, Алан многое повидали, поэтому у нас раньше

прошел этот страх, что сейчас у тебя. Ты главное сейчас не крути в голове, прими за опыт, братишка. Давай выпьем? – Попытался я его успокоить, убрал руку с плеча, так как Алан уже подходил к столику с тремя кружками.

– Ну что! – Сказал он, грохнув об стол со стеклянным стуком кружками. – Пьем? – Задал он чисто риторический вопрос.

Без каких-либо раздумий мы вдвоем чокнулись и начали глотать свежее холодное пиво в светлом и приятном месте, посреди мрачной, гудящей звуками лопастей долине.

– Слушай, Алекс. Давай двинем в колонне рядом? А то после стрельбы оказались на противоположных концах. Не теряться лучше, мне кажется. Друг друга прикроем в случае чего. – Начал, допив свою кружку, Алан.

– Сам хотел сказать. Дальше дорога опасна, как думаешь?

– Так же, но плотная пелена больше чем на сутки не накрывает никогда. По крайней мере, мне так один из караванщиков сказал. – Поделился со мной Алан.

– А почему не выжигают леса?

– Ну ты выдал! Территория-то какая, это тебе не вокруг полиса обрабатывать. Тут напалмом скидывать всеми полисами надо будет, чтобы такую территорию обрабатывать! – Пояснил он мне.

– Ну да, тем более Реддинг – металлургический центр, лопасти изготовить не проблема. Дешевле так. Но люди все же гибнут по любому. – Продолжил я думать вслух.

– Разумеется, гибнут. Поэтому караванами и двигаются. А вот представь, если бы мы с тобой на двух машинах поехали.

– Показал на меня пальцем.

– Даже думать страшно. – Поддержал я мысль.

– Чем займемся оставшийся вечер? – Будто бы пригласил меня куда-то Алан.

– Я здесь впервые, не знаю. Как закончим здесь, займусь чисткой оружия, потом прогуляться хотел по аванпосту.

– Давай тогда через часика полтора встретимся у перекрестка, через который сворачивали к парковке?

– Договорились, Алан. – Хлопнули по рукам, продолжили мы пить.

Всех развезло, все успокоились. Мы разошлись по номерам. Мой люкс был в самом конце коридора, удивительно, что здесь не стандартный ключик, как везде. А прям картой проводить, как в современных отелях прошлого. Впервые такое в наше время вижу.

С электронным пиком я распахнул дверь. Пахло чистотой и отдавало стиральным порошком, от белья похоже. Стол, который обещали, стоял у окна, широченный такой, с удобным стулом, на спинке тканевая обивка. Кровать двуспальная, бело-черное постельное белье в полоску, туалетный столик с зеркалом и она, ванная! Давно не откисал я так, с кайфом. Но это вечером.

Разложил вещи на комод рядом с кроватью, разложил брезент на стол и положил свое оружие. Попытался найти кноп-

ку от светильника, но, осмотрев его подробнее, понял, что он от сенсора работает. Типа шлепаешь его легонько и свет включается. Сняв разгрузку, оставшись в водолазке, я принялся разбирать автомат.

Снял магазин, нажал на кнопку в рукоятке, достал пенал снизу, а не из приклада, как на классическом «калаше». Достал выколотку (инструмент такой), нажал на отверстие у дульного тормоза и открутил его. Продул, подчистил от порохового осадка. Поднял флажок фиксатора ствольной коробки и чуть сдвинул его вправо. Потянул на коробку и поднял вверх. Пружина оголилась. Далее толкнул немного пружину и потянул наверх, за ней за рукоять затвора притянул саму затворную раму. Отделил от нее сам затвор и начал активно протирать и чистить. Придав всему, что я вытащил, заводской вид, принялся снимать крышку с газовой камеры все при помощи той же выколотки. Открутив, снял крышку камеры, теперь чистка ствола.

Любил я это дело, если честно. Вообще не в лом никогда было чистить оружие, даже умиротворяет меня это немного. Всегда знаю, что раз я так с оружием обращаюсь, то и оно меня не подведет. Может, и глупо для меня, как для техника, но лучше считать, что и у такого механизма есть душа. Как ты к ней, так и она к тебе.

Собрав все в обратном порядке, я оставил оружие отдыхать на столе. Взяв только кобуру с моим 1911, его я почистил уже на автомате, даже того не осознав. Слишком уж ча-

сто я это делаю. К сожалению.

На улице было тепло, так что, закатив рукава в водолазке и с кобурой, я двинул к выходу, сменив заодно обувь. Спарисься так вечно в берцах щеголять.

Пока шел через парковку, уже без усталого взгляда прищелкнул к деталям аванпоста. Все же он был не таким большим, как я думал. Просто в нем столько деталей, что потеряться можно. Башни были невысокими, больше высоты им давали ржавые металлические конструкции, которые, по-видимому, постоянно дорабатывают; там наверху сварщики на всех башнях сидят.

Стены отвесные, тоже жилые, как и везде, вентиляторы работали сейчас на максимуме, пелена за стеной превратилось в цельное молоко. Как будто потоп сдерживают, ей-богу. Небольшая дымка все же была, просачивается, но раз народ гуляет, то скорее всего опасности физической она сама по себе не несет.

Неподалеку от перекрестка, где я не наблюдал Алана, стояли мужики около машины. Что-то выпивали, обсуждали, даже улыбались. Видно, местные, вот и поспрашиваю.

– Здорово, мужики! Я тут у вас проездом. Не отвлекаю вас? – Попытался я начать диалог.

– Привет, паря! Да видим, не местный, у нас таких седых не было никогда. Что хотел? – Чисто деревенским стилем ответил мне один из них. Но не агрессивно, игриво больше.

– Да чем город живет, от чего такие башни выросли? Не

просто ведь грузовики заправляют, да рыбалкой маются? – Продолжил я, оперевшись на осветительный столб.

– Ну рыбку ловим, тут, черт возьми, фабрика небольшая. А так шахты у нас. Поставляем силикаты, да и камни тут нашли, даже кварц, но немного.

– Давно додумались вентиляторы поставить? – Показал я на ревущие установки на стенах.

– Лет 10 назад, когда в пелене половину населения порешило, с гор воздух сильный подул и пелену сдуло дальше. Так и придумали. – Вспоминал он, смотря на лопасти.

Мы медленно обсуждали технические моменты, как развивалась эта тема с обдувом местности, о вреде пелены. Так и получилось, как я думал. Вреда от нее нет, кроме того, что мрак наводит на местность, а почему – никто не знает. Из Реддинга приедут позже на ее изучение.

Недолго проговорив, я по взглядам понял, что заскучали ребята, надоедаю я им. В этот момент меня окликнул Алан.

Раздав всем моим новоявленным знакомым краба, мы втроем с Аланом и Лукасом двинули гулять.

Обсуждая это место, Алан хотел мне показать место в городе, где можно разглядеть все, что здесь есть. Это была казарма обороны и комнаты отдыха конвоя. Располагались они в самой высокой башне. На крышу можно было подняться без проблем. Тем более Алан тут вроде как свой.

В магазинчике рядом с башней мы купили воды с цитрусом, а так же «бутерброб» (решил я так перевести по

смыслу). Это лакомство из Долины Смерти. Крайне сухой сэндвич с кактусовой начинкой. Самый мучительный способ умереть в пустыне – это в период обезвоживания покусать этот самый «бутергроб». Поэтому по 2 литра воды на каждого – и погнажи.

Поднявшись на крышу, уже было понятно, что вид стоил того, чтобы топать по ступенькам до боли в ногах.

Вид форпоста сверху напоминал букву Т. Высокая набережная вдоль горной реки. Слева соединяется с ручьем, откуда начинается высокая стена, справа в произвольной точке с большим КПП.

В дальнем конце сиял фиолетовый свет: с наложенными друг на друга теплицами явили на свет это чудо. Многоэтажная теплица, сразу несколько штук, как небоскреб. Рядом с ними подстанция и генераторная на биотопливе. Так вот откуда здесь энергия!

Дома сверху выглядели куда лучше, чем снизу. На балконах у каждого что-то выращивалось, аванпост был довольно зеленым с этого ракурса. Дорожная сетка была лучевая, напоминающая Кострому, только уменьшенную в сотни раз. За стеной я увидел огромный ангар и длинную дорогу, ни к чему не присоединенную. Видимо, у кого-то из богачеев этого аванпоста в планах самолеты пускать. Или так было раньше. Тут особо не летаешь, мне кажется, горная долина как никак.

– Лукас. Чем ты собираешься заняться в Реддинге? –

Спросил я, откусывая «бутерброд», наплевав на правило, которое сам соблюдал в доме у Алана.

– В медцентре открыли отделение по изучению людей, зараженных Серой Чумой. Записался туда. – Сказал Лукас, тоже начиная есть. Алан спокойно слушал.

– Там что-то новое придумали? Подвижки с заразой есть? – Удивился я такой новости.

– Не совсем. Методы диагностики новые да. Сейчас в основном полоски для пота, да мазки, правильно? Потом карантин и все. А там вроде как сделали раствор, в который кровь человека вливаешь и видно будет, кто заражен, а кто нет. Но это пока только в процессе, в котором я и хочу участвовать. – Дал более развернутый ответ Лукас. А я заметно поморщился. Не хотелось бы пройти через такой тест.

– Так там же только лекарства создавали, откуда такая специализация появилась внезапно? – Продолжил расспрашивать.

– Говорят, пару недель назад туда человек приехал, очень хорошо разбирается в вирусологии, а таких людей с руками везде отрывают. Он то и открыл новый теоретический способ выявлять зараженных. А у нас универ в Аркате как раз сотрудничает с медцентром в Реддинге. Так что новости быстро доходят. Я и решил сразу поехать в зачатке такого исследования. Зато когда команда сформируется полностью, я буду не рядовым лаборантом, скорее всего. – Взрослое и разумное рассуждение выдал Лукас. Но меня зацепила фра-

за про неожиданного спеца. Не из моего ли он бункера?

— А ты, Алан? В Рино покатишь сразу? — Кинул я взгляд на приятеля.

— Ну, пару деньков с сыном побуду, потом кутить. А ты со мной, понял? Я проставлюсь. — Улыбнулся, уже решив все за меня. Но я в целом был не против.

— А я и спорить не буду. — Чокнулся я с ним водичкой с цитрусом и продолжил смотреть на город, тускнеющий во мраке с каждой секундой, под приход ночи.

Спустившись и погуляв по городу еще пару часов, мы дошли до отеля, где взяли закусок в номер и разошлись каждый по своим комнатам.

Как только я закрыл дверь и задвинул шторы, тут же разделся, включил воду, набирая воду в ванную, предварительно проверив, есть ли горячая вода. А то попадался уже на подлянку.

Расслабило меня конкретно, я откисал в ванной до момента, пока вода не остыла, еле-еле встал, ногой дернул пробку для спуска воды и включил душ, прилично намылившись с пенкой, счистил с себя всю грязь.

Высохнув, я принялся за бритье и стрижку самого себя.

Платиновые, подумал я.

Я начинаю забывать мой родной цвет волос. Темно-русые были или светлые?

Слава богу, мой серый цвет глаз не изменился на какой-нибудь красный или фиолетовый. Хотя появился сине-

ватый оттенок, или он таким и был?

Горбинка на носу не изменилась, исчезло несколько морщинок на лбу, лицо похудело. Но это скорее от образа жизни, чем от Беты.

Закончил себя рассматривать, принялся за стрижку и бритье. Слава богу, припас несколько наборов для ухода. Сейчас такие уже не делают.

После вечернего туалета, лег в кровать, вытащив карту. Я не помню, что там рассматривал, так как очень быстро ушел в глубокий и крепкий сон.

Глава 3. Полис металлургов.

Форпост Тринити. 31 мая 2115 года. Утро.

С рассветом, предварительно позавтракав тем, что купил вечером в отеле, я собрал свои вещи и оружие. Уже в машине я расчехлил еще одно свое оружие, которое может понадобиться – Q Fix, легкую снайперскую винтовку, меньше трех кило всего. Патрон 308-й. У меня еще есть пара коробок бронебойных, сейчас такие не делают. По крайней мере, на этот калибр.

Я закрепил ее на боковой раме, там, где ремень безопасности висит... Висел, точнее.

Караван поедет через час, поэтому я решил по-быстрому заглянуть в оружейный, про который мне рассказали в отеле утром, когда я выселялся.

Завел мотор, машина покатила в сторону ворот.

Доехав, я не понял, где можно припарковаться, и внаглую поставил машину на бетонной плите тротуара. Дверь была открыта, точнее, в магазине входом была не дверь, а нечто похожее на гермозатвор.

Зайдя внутрь, я узрел помещение не больше тридцати квадратов по всей площади. Г-образный прилавок, по стенам развешаны стволы от разных современных производителей. За решеткой позади продавца, махнувшего мне рукой, стояли коробки с патронами. Слева и справа в углах – снаряга и

разгрузки с бронежилетами.

– Привет, привет, мой дорогой клиент. – С улыбкой и жизнерадостностью поприветствовал меня продавец. Чувствовалась в нем аура еврейская.

– Доброе утро. Есть патроны на 308? Бронебойные желательно. Еще нужны 45-е экспансивные, коробок пять и коробка трассеров. Приблуды на 1911 какие-нибудь продаете? – Выпалил я список вопросов сходу.

– Все есть, кроме 308-го. На него стандартные цельнооболочечные есть и трассеры. По поводу приблуд, есть накладки на рукоятки, глушители завезли из алюминия, анодированные. – Не смутившись, ответил.

– Тогда на 45-е столько, сколько просил, пару коробок цельнометаллических на 308-й. На 1911-й глушитель почем будет? – Спросил я цену.

– За все – тринадцать с половиной грамм.

– А если переменные резисторы предложу разных марок по десятку каждого и диммеров еще? Вывеску себе сделаешь настраиваемую, а?

Еще могу дать пару микроконтроллеров 32-битных. Если понимаешь, куда деть, то неплохо наваришься. – Предложил я бартер.

– Ой, да не знаю я про электронщину эту. Единственное, что микроконтроллеры бы взял, слышал, такие нужны нашим, даже показали, как выглядят. Если такие, какие я видел, то возьму их и на глушитель поменяю. Тогда за патро-

ны пять граммов заплатишь. – Выдвинул свои условия продавец.

– Да не вопрос. – Достал я из бокового отделения разгрузки уже подготовленные платы в герметичных пакетах на бартер.

– Вот, гляди. – Показал я ему на продолговатую плату с квадратным чипом посередине и с кучей ножек по бокам.

– Да, они самые. Тогда по рукам? – Спросил он, потянув мне руку.

– По рукам. – Потянул ему руку в ответ.

Пакуя патроны на заднее сидение, я присмотрелся к глушителю. Выглядел добротно, хоть и самоделка. Видно, что из алюминиевой трубы сделали. Потом надо будет испытать.

Очень удобно, что печатных плат разных назначений здесь довольно мало. Электронику в это время производят, но чаще примитивную. Так что такие вот контроллеры в цене.

Подготовившись к поездке, уже на подъезде к месту встречи, я заметил аптеку, куда забежал, не глуша двигатель, закупившись бета-блокаторами на всякий случай... Чтобы палец меня не подводил, как прошлый раз.

На КПП уже собирались машины, я пристроился к Алану, библикнул ему и вышел из машины, заглушив мотор. Он и его сын вышли, я дал им краба, они тоже мне руку пожали. Лица у всех нас свежие, выпавшиеся.

– Утречка, Алан. Как спалось? – Спросил стандартно.

– Да вообще шикарно, мы с сынком догнались пивом и уснули как младенцы.

– Да-да, он всю подушку обслюнявил. – Сразу после отца, смеясь, сын рассказал забавный момент. Над чем мы все посмеялись.

– А где твой браток? – Алан намекал на моего соседа, Брендона.

– Да, скорее всего, перед отправлением запрыгнет. А что у тебя за красота на поясе? – Заметил я ножны.

– Боевой нож производства полиса Питтсбурга. Шикарная вещь, лет десять как купил. Решил после вчерашнего на всякий случай снарядить. – Говорил он, вытаскивая нож и показывая его мне. А нож, отражая утреннее солнце, сиял, демонстрируя красивую гравировку, остроту лезвия и насечки на обухе.

– Надо бы такой же купить, выглядит потрясающе. – С сияющими глазами рассматривал я этот нож. Ведь я еще с детства был фанатом холодного оружия, даже по срочной службе просился во внутренние войска, в определенную часть, где учили обращаться с ножом. Жаль, в более зрелом возрасте подзабыл об этом увлечении.

Поговорить дальше не удалось, меня окликнул Брендон, бежавший к машине. Я его встретил, поздоровался, и мы сели в машину, так как он сказал, что колонна отправляется через пять минут, а нам нужно ознакомиться с картой, где мы будем проезжать, и быть внимательными на точках воз-

можных засад или локациях с густой пеленой.

К Алану тоже подошли люди из свиты и начали что-то показывать на карте, видимо, всех инструктируют.

Открылись ворота без сигнала, зато посигналил глава колонны, дублируя командой по рации о начале движения. Мы покидали это интересное, но мрачноватое место. Гигантские вентиляторы работали вполсилы, пелена стала похожа больше на дымку. Колонна двинулась в путь вдоль реки с тем же названием, что и этот аванпост. С тем же названием, что и первая бомба, которая стала кошмаром своего времени.

Извилистая дорога возле речки не омрачалась пеленой так, как лес, через который мы проезжали вчера. Словно текущая вода как-то отталкивала туман. Что подтвердил Брендон, когда я у него поинтересовался. Горы становились все более высокими, крошечные полянки, когда-то давно бывшие населенными, оставили после себя лишь груды хлама, на которых давно проросла растительность. Час как мы двигались через легкую дымку, страха не было, только осторожность. Иногда впереди броневики постреливали в сторону леса, но мы не видели живности, отпугивали, скорее всего. Единственное живое место было в огороженной запра-вочной станции, практически заброшенной, с дежурными на башнях. Мы остановились там минут на десять, на дозаправку автобусов и броневиков. Даже толком ноги размять не успел.

Продолжили мы путь в откровенной скуке. Крутил руль

вправо-влево постоянно из-за серпантина, начало даже слегка подташнивать, но Брендон, угарая надо мной, видимо, привык. Зато хоть повеселее стало. После очередного поворота дорога пошла вниз и не была такой извилистой.

— Мы доехали до первой ровной долины. Когда проедем следующий серпантин, приедем в следующий форпост, а оттуда до Реддинга рукой подать. — Заговорил Брендон.

— А большой форпост? На ночь останемся снова?

— Чуть больше, чем прошлый, по площади, но народу там поменьше, деревообработкой занимаются только, ну и рыбу разводят. Мы там остановку на час сделаем. Покушать, по нуждам сходить и прочее. — Загибая пальцы, ответил мне мой пассажир.

Так и случилось. Проехав первую низину, мы преодолели короткий отрезок серпантина и, спускаясь с очередной горы в низину, увидели потрясный вид. Горная долина на десятки километров просматривалась полностью, дорога вела вправо, и с моего окна все просматривалось четко. На подъезде к форпосту были видны невысокие бетонные стены, идущие по ландшафту неровно. Местность холмистая, так что было ощущение, будто макароны на бугристую поверхность положили. Примерно такая стена и была.

Пелены здесь уже не было, судя по отсутствию вентиляторов на стенах, ее не должно быть. Солнце сияло ярко, душа заиграла игриво.

Стены и ворота не впечатляли. Городок внутри был мало-

этажный, проехав почти через весь городок, я не заметил ничего интересного, кроме внушительных размеров лесопилки и цеха. Даже терминал железнодорожный построили, правда, пути пока не начали прокладывать. Людей было почти не видно. Посмотрев направо, увидел машину Алана. Он сейчас ехал прямо параллельно мне. Отлично было видно его скучающее лицо и открытую пасть Лукаса, зевающего, словно рычащий лев из заставки старой известной кинокомпании.

Мы не прождали даже часа, выехали оттуда быстро. Продолжив путь.

Через небольшой отрезок времени снова увидели речку Тринити, но ненадолго, дальше путь вел через горы. Мы ехали около часа в медленном темпе, двигатель недовольно бурлил на низких оборотах, рыча только на подъемах.

– Уже подъезжаем к озеру Виски. – Пробормотал Брендон.

– Виски? Типа, алкогольное, что ли? – Попытался я пошутить.

– Хех. Нет, название такое. Там раньше город был, но название стерлось, осталось «Виски». Так и называют теперь. – Улыбнулся уголками губ Брендон, поправив оружие поудобнее.

– Что-то не так? – Заметив его жест с оружием, спросил.

– Банда есть к северу от долины Галч, пару раз на конвой напали, один раз успешно. – Сообщил Брендон и продолжил.

– Так вот, нападали они только в такие моменты, когда мы везли дорогой груз из Аркаты, который на поездах привозят для нужд Реддинга. Станки там, техника, электроника и расходники. Важные вещи, в общем.

– И что, успешно? – Намекнул я на продолжение.

– Один раз успешно. – Без энтузиазма ответил Брендон.
– Поэтому на этом участке нужно быть начеку.

После его слов я немного напрягся. Отщелкнул одну пуговицу на потолочном креплении, чтобы мог выдернуть оружие сразу. Одной рукой поплотнее затянул разгрузку. Вручную сделанные «хаттабки» (гранаты с укороченным временем замедления взрыва) у меня были пару штук в паре отделений разгрузки. В принципе, готов.

Но ничего пока не происходило. Мы проехали через знак, указывающий на озеро впереди. – И правда, Виски, – подумал я.

Виднелся маленький мост через ручей, к которому уже подъезжала колонна.

Броневик, который шел в главе колонны, подлетел на пару метров и рухнул в низину ручья. Два взрыва прогремели около бронированных грузовиков. В рации шипит сигнал тревоги. Я посигналил, высунул из окна, помахал Алану и показал рукой с пальцем, указывающим направо, в низинку, которая хоть как-то укрывает от той стороны, откуда с гранатометов прилетело.

Наши машины свернули туда. Мы вынырнули из дверей и

залегли рядом с дорогой в траву. Выстрелы от всей колонны уже велись активно, в сторону горы и моста, откуда, видимо, выходили люди, напавшие на нас.

– Алекс. Что делать будем? – Прокричал Алан, явно напуганный, но держащий себя в руках. А сзади совсем потерянный Лукас лежал в траве, будто желая срастись с землей.

– К броне надо подойти, помочь надо. Не выберемся назад, я думаю, по любому окружают, жопой чую. – Прокричал я в ответ, после чего открыл пачку бета-блокаторов и проглотил пару таблеток.

После этого мимо нас проехал броневик в сторону начала колонны, мы двинулись за ним вдвоем с Аланом, оставив Лукаса около машин. Ну не боец он, а там хоть зона не простреливается. Да и я, если честно, бойцом себя не чувствую. Но делать что-то надо.

За нами никого, по ощущениям, не было. По крайней мере, стрельбу оттуда никто не видел, да и туда никто не стрелял. Доверившись интуиции, мы побежали вслед за бронетехникой по низинке. Брендон догнал нас, взяв с собой троих бойцов из свиты. Мы остановились у обстрелянного джипа, который неплохо укрывал от выстрелов зону, откуда вели огонь.

– Алан, Алекс. Держите зону дороги, которая влево от моста уходит, там. – Показал пальцем. – Слева от вас ребята тоже ее смотрят и гору левее. Я с остальными – к мосту. Как закончу, к вам сразу придем. Как поняли?

– Поняли. – Почти хором ответили мы.

Через какое-то время вдоль кустов слева от дороги я увидел шевеление. Показав охране, куда смотреть, мы начали стрелять туда мелкими очередями. Алан заметил движение со стороны реки чуть дальше и правее.

– Справа еще идут с реки! – Крикнул он, опустошив магазин, скатился в низину, чтобы перезарядиться.

Я решил кинуть гранату в ту сторону. Снял кольцо, услышал щелчок запала, дал себе секунду и бросил со всей силы в ту сторону. Грохнуло прямо в воздухе, обдавая небольшую площадь осколками. После чего оттуда послышался крик и застрекотали автоматы. В ответ по ним шмаляли почти все наши, у кого был обзор в ту сторону.

Было видно, что мы в этой схватке побеждаем. Брендон с ручным пулеметом, который он взял, видимо, из одного из грузовиков, показал рукой, чтобы мы залегли. Что мы и сделали.

Алан нервно улыбается, трясущейся рукой запихивая магазин в шахту, а я ему протянул таблетки. Он проглотил. Так мы сидели минут пять, пока стрельба не стихла. Мы наблюдали, что в той же низинке, но подальше, залегли люди из автобусов. Бой теперь вели только охранники конвоя. Когда стрельба затихла, мы аккуратно подошли к продырявленной пулями машине.

Алан выругался, после чего сказал:

– Ну и ну. Давненько я в такие передряги не попадал. –

Дрожащим голосом сказал он. Мандраж.

– Алан, может, пока вниз? – Кинул я ему предложение, так как единичные выстрелы все еще были слышны.

После чего по машине, прямо около Алана, прилетела пуля. Мы оба нырнули вниз. Так и думал. Снайпер остался, хрен его заметишь, когда повсюду стрельба.

По радиии у меня на плече передали, чтобы все ныряли в низину, пока разведывательная группа будет выявлять снайпера.

– Алан, ты как? Тут передали, что снайпер в горах. Сидим пока.

Алан молчал. Видимо, испугался знатно.

Я к нему повернулся, хотел проверить. Но Алан так и лежал у машины.

Обмякший, лицо было повернуто в сторону от меня. Но ручеек крови уже был виден под ним, вселяя в меня ужас, обиду и дикую боль где-то в грудной клетке. В голове промелькнула мысль – рикошет. А после этой мысли – только тоска.

Я так и сидел с телом Алана, молчал. Это был первый близкий по духу человек за то время, когда я появился в могильнике.

– Шальная пуля, господи... – прошипел я еле слышно, на глазах начинают наворачиваться слезы.

Не знаю, что сказать Лукасу. Не умею говорить правильно в такие моменты.

Да и есть ли это «правильно» вообще? Скажу как есть, буду надеяться, что он сможет вынести этот момент, переплакать, пережить, проститься.

Сзади прогремели взрывы из автоматического гранатомета. Но не рядом. Где-то за ручьем. На холме.

– Чисто, противник уничтожен, сбор у развилки через пять минут с докладом. – Прошипела рация.

Я начал отряхиваться, еще раз посмотрел на тело друга. Именно другом он для меня стал. Оперевшись на разбитую дверь джипа, я встал и осмотрел место боя. Потери были не только у меня. Место омрачилось, но не пеленой. А звуками криков, плача. Аурой скорби.

Подбегал Брендон, который сбавил темп, увидев картину: меня и Алана. Но не остановился.

– Соболезную, Алекс. Ты сейчас как? Помощь нужна? – Медленно, глядя в глаза, смотрел на меня Брендон.

– Только если с телом. Похоронить надо достойно человека. Если нужны деньги, то есть. – Начал медленно я, с заметным хрипом в голосе.

– Господи. Никто денег не возьмет. Нужно тело к остальным отнести. Там всех опознают и повезут до Реддинга. Там выберете место. Мы за вас отвечаем, нам и помогать вам в таких, страшных ситуациях. – Немного растерявшись, ответил Брендон, с таким лицом, будто он действительно виноват в этой потере.

– Давай, пока я еще в состоянии, отнесем. Куда только? –

Постепенно приводя себя в чувства, спросил я Брендона.

– На точку сбора, по рации передавали.

Я перехватил тело Алана со стороны головы, предварительно положив ветошь на лицо и закрыв уцелевший глаз. Пока мы оттаскивали его, кровь прокапала мне на штаны и ботинки. Но меня это уже не волновало.

Положив тело к остальным, я сообщил офицеру, который собирал данные о погибших, как зовут убитого, сколько лет, откуда он и прочее.

Закончив с этим, я быстро зашагал к нашим машинам, где должен быть Лукас.

Слава богу, он все еще сидел там. Точнее, на дороге у машин. Ожидая нас.

Я хотел немного подождать, собраться с мыслями, но Лукас будто почувствовал мое приближение и повернулся в мою сторону.

Увидев кровь на моих штанах и рукавах, он, похоже, всё понял сразу. Мне не показалось. Его взгляд остекленел.

Мотор рычал, а внутри машина молчала. Тишина была оглушительной. Я смотрел на засохшую коричневую полосу на рукаве, отводя взгляд только на дорогу во время поворотов. На соседнем сиденье Лукас не шевелился, уставившись в окно, но я сомневался, что он вообще что-то видит. Его глаза были пусты.

Мы решили поехать вместе; машину его отца вели люди из свиты, с Бренденом во главе. Хоть мост и подорвали во

время атаки, в месте, откуда стреляли, был еще один, деревянный, так что колонна смогла двинуться дальше, описав небольшой крюк.

Сейчас мы уже проезжали озеро Виски. Но я на него так и не взглянул даже. А Лукас, хоть и смотрел в ту сторону, мне кажется, и он его не видит. Спускаясь с гор уже к Реддингу, я увидел крупнейший полис из всех, какие мне приходилось видеть ранее.

Одна длинная стена, уходящая вдаль. Если вспомнить карту, то выходил большой кусок бывшего города. Стена с выпуклыми горизонтальными полосами уходила в сторону бетонного завода. Башни с пушками и большими прожекторами возвышались через равные промежутки. Жилые башни, хоть и бетонные, но не как везде. Множество окон, видно издалека. Настоящие небоскребы. Вокруг города – выжженная степь и внешние полигоны. Если глянуть налево, то вдалеке можно увидеть ГЭС, тоже отлично защищенную, хоть и отдельно, не внутри города. Движущийся дым из стороны в сторону из-за стен давал понять, что на железных дорогах было плотное движение. Город жил и процветал.

Это мимолетное удивление слегка растопило лед внутри, как и Лукаса – его взгляд наконец начал меняться. Внезапно он заговорил.

– Никогда не думал, что увижу такой большой город, – тихо произнес он почти безразлично.

– Я лично в культурном шоке, – воодушевленно произнес

я.

Больше никто слова не проронил. Я не знал, как продолжить; он просто не хотел.

Колонна подъезжала к КПП. Хотя я бы так не назвал. Больше похоже на военную базу во внешнем периметре, с целым городком снаружи. Городок этот обнесен высокой сетчатой стеной под напряжением. За ней было то, к чему я привыкнуть так и не успел.

Те зараженные, которые не прошли проверку. Кто-то еще молодой, а кто-то на вид стар настолько, что, кажется, вот-вот настанет час вознесения. Нередко это были люди примерно одного возраста. Мне стало еще паршивее.

Когда колонна замерла, из машин начали выходить люди. Мы с Лукасом были не одни в своем оцепенении. Некоторые пассажиры автобусов выглядели куда более обреченными.

Самое стремное начиналось сейчас. Лично для меня.

«Всему каравану, построиться у машин!» – прогрохотал динамик, вдалбливая приказ даже в кости.

Мы с Лукасом стояли, оперевшись о машину, и раскуривали по сигарете. В этот момент я сам себя не узнавал. Не курил почти век.

У соседней машины уже сустились люди в серо-черной форме и их подопечные. Медики. Все в противогазах.

Когда они закончили, очередь дошла до нас.

– С приездом! – механически произнес медик. – Приложите этот лист к подмышке, согласно процедуре.

Я взял бумажку, свернул и засунул под куртку. Лукас, не глядя, повторил мои движения. Лист потемнел, приобретая грязно-зеленый оттенок. У Лукаса – то же самое.

– Спасибо, – сказал медик, выхватывая у меня бумажку, бегло взглянул и швырнул ее в пакет, который тащил за ним силовик.

– Теперь откройте рот как можно шире.

Я открыл. В нёбо уперлась холодная палочка. Я сомкнул челюсти, когда почувствовал, что её вытаскивают.

– Не двигайтесь.

Меня начали осматривать, растягивая кожу, выискивая аномалии. При «Серой Чуме» бывает секторное старение – крошечные морщинки на мочках ушей. Или «солевые кольца» на ногтях. Потом поднесли к уху прибор, тихо запищавший на высоких частотах – зараженные часто их не слышат.

– Зелёный, как и мазок? – спросил врач у коллеги, встряхивавшего пробирку.

– Тоже зелёный. Всё чисто.

– У нас всё. Можете следовать дальше.

Процедура проверки тянулась, пока не обслужат всю колонну. «Жёлтыми» оказались лишь четверо. Мы смотрели, как их родные, рыдая, передавали вещи через ограждение карантинной зоны.

Я посмотрел на Лукаса. Он курил, не отрываясь от этой сцены.

– Надеюсь, у них всё будет хорошо, – тихо сказал он, и

его голос впервые за много часов прозвучал не как эхо из пустоты, а как голос живого человека.

— Дай бог, чтобы повезло, — так же тихо ответил я.

Проезжая сквозь стены великого полиса, было ощущение тоннеля, а не ворот. Стены были толстенные. Шириной в три кузова грузовика. Неведомая доселе мощь, которую даже самый матерый корень будет грызть, пока не засохнет от жары, еще и укрепив своим мертвым корневищем эту конструкцию.

Сам город впечатлял. Широкие четырехполосные дороги, тротуары. Здания, хоть и похожие на муравейники Аркаты, но выглядят очень похожими на небоскребы прошлого. Ненавязчивые вывески давали понять, что власти следят за эстетикой места, не засоряя рекламными щитами вид полиса.

Такое чувство, будто мы реднеки из великих равнин прибыли на Манхэттен. То и дело поднимаем глаза вверх. Я даже на пару секунд пересек сплошную линию на дороге. Дурак.

Колонна на большом перекрестке повернула на огромную парковку вдоль железной дороги, рядом со звуковым барьером. Думая о том, что сейчас придет время решать вопрос с захоронением Алана, настрой становился все мрачнее.

Сразу после остановки к нашей машине подкатил Брендон на машине Алана.

Заглушив двигатель, взяв ключи и подойдя к нам, он пригласил нас пройти с ним к главе колонны, показывая в ту

сторону рукой. Мы с Лукасом вышли, оставив оружие в машине, и направились к нему.

Глава колонны по очереди разговаривал с каждым. Кому-то указывал, куда идти дальше, подписывал чьи-то документы, разговаривал насчет погибших. Разгребал дела, в общем.

– Друзья Алана? – обратился к нам командир, пока мы еще только подходили.

– Это его сын. А я – друг, – поправил я его, показав на Лукаса. Правда, голос мой было не узнать.

– Решили, как поступите уже? Как и говорили мои коллеги, мы поможем в похоронах. А также за каждую голову вам положена награда по 50 000 Акций (АПР – обозначение валюты). Это примерно около тысячи аркатских долларов, – продолжил он твердым голосом. Явно он прошел тысячи таких диалогов.

– Мы можем похоронить его за городом? – внезапно и более оживленно спросил Лукас.

– Эмм, вообще в городах мы обычно кремируем. В лесах же могила зарастет быстро. Сами понимаете, – отрицательно качал головой глава колонны.

– Я там поляну видел. Все смотрел на нее. У озера, прямо у воды. Не растут там деревья, только травка, – вспоминая, потихоньку перечислял обрывки картинок из головы Лукас.

– Слушайте. Вы сами говорили – поможете. Сможете людей выделить? Достойно нужно похоронить, – продолжил я,

решив надавить мальчика.

– Вы нам спину прикрывали, конечно же, можем. Тем более, Брендон вызвался сразу, как только с того места двинули, – положительно ответил командир. Чуть более эмоционально.

– Вы, ребята, сходите пока к коменданту, он в том здании при въезде в парковку, казарменного типа. Деньги получите, заодно дату, когда сможете забрать тело из морга. Дня три нужно, сами понимаете, – показал он в сторону здания.

– Поняли. Спасибо, командир, – поблагодарил я владельца голоса, который никогда не паниковал из рации за все время пути, раздавая команды всей колонне.

– Джеймс. Заодно скажете, кто вас к коменданту отправил.

Не задерживая очередь, мы двинулись к коменданту. Брендон шел с нами, отдав заодно ключи от машины Лукасу. Вообще, хороший мужик, если честно. В старое время я к таким, как он, доверие имел нулевое по умолчанию, если честно.

У коменданта было очень атмосферно. Решетчатая сетка, стол около неё, как в каком-нибудь военном складе в старое время, когда приходишь сдавать или получать какие-нибудь ящики, или снарягу, патроны. Крайне похоже, как будто на секунду оказался на срочной службе где-нибудь в Новгородской области.

За столом – толстый комендант. Не знаю, что именно

означает это звание в городе, но если присмотреться – точно-точно прапорщик. А лицо – как у мужика в бункере из одной игры про Чернобыль.

– Приветствую! Нас к вам отправил Джеймс, – обратился я.

– Здравствуйте, сэр, – поздоровался со мной местный прапор с приставкой «сэр». Невероятно редкое явление в нынешнем времени. Говорят, когда в США перестали обращаться друг к другу «сэр», «мэм», именно тогда и наступил конец Америке.

– Говорили о вас. За тобой – два трупа от гранаты. От мистера Алана тоже двое. Я так понимаю, юноша – его сын? – уточнил комендант.

– Да, я его сын. Скажите, когда можно будет забрать тело для захоронения? – довольно твердо спросил Лукас. Видно, что он желает всем сердцем отправить своего отца в последний путь достойно. Именно это сейчас держит его в тонусе.

– Соболезную, сынок. Тяжелая потеря, – удивительно расчувствовался комендант. Даже покраснел. Странно для такого бывалого человека.

– Четвертого июня в полдень приходи. Награду за отца забери заодно, понадобятся деньги тебе, сынок. Маршрутный лист я сам заполню за вас, ступайте с богом. Только в каску не забудьте зайти, вот ваши чеки, – проинформировал он чуть ли не убаюкивающим тоном, протянув в конце чеки.

Дальше по коридору, около выходной арки, стояло пару

окон с надписью на английском – «Касса». Мы прошли, получили деньги и вышли обратно к парковке. По пути мы договорились, что каждый из нас развеется пару часиков. Поездим по городу, поищем ночлег и уже к ночи встретимся у парковки, но не здесь, а в конце, около вокзала.

Пока мы говорили, подошел Брендон и предложил поехать выпить в местный клуб под названием «Карс». Что-то подсказывает мне, что хозяин заведения – армянин или турок.

Мы втроем разошлись, поехав по своим делам. Я заметил приятную картину.

Солнце медленно врезалось в верхнюю кромку стены полиса. Стены постепенно поглощали солнце, небо становилось алым, потом все темнее и темнее. И вдруг – свет включился по всему городу разом. Вывески засветились неоновым и разноцветными лампами. Уличное освещение зажглось с заметным звуком автоматического щелчка. По всем небоскреbam одно за другим окна загорались желтым свечением. И все это – в один короткий момент.

Глава 4. Мозговой зуд.

Полис Реддинг. 1 июня 2115 года. Ночь.

Как же я рад, что не демонтировал магнитолау окончательно! Пока ездил по полису, заметил, что из каждой машины звучали одни и те же песни. Оказалось, здесь существует отличная радиостанция. Не сборники безвкусной музыки старых времён с вечными песнями о любви, деньгах, личном успехе или – о боже – о душевных страданиях. Как будто в это время не хватает дерьма, давайте добьём общий настрой ещё и музыкой о боли, ага?

Здесь же играла самописная музыка, создавалась своя культура, и в песнях рассказывались истории из жизни. Об отважных авантюристах, пробирающихся сквозь зелёный ад. О путешествиях через полисы. О поездах и пути в один конец. Всё разное и по-настоящему прекрасное. Самое главное – инструменты. Самые настоящие барабаны, гитары, арфы, скрипки, рояли и прочее.

Я заприметил много мест, куда хочу сгонять. К примеру, Музей паровозов Запада. Там как раз есть история самого долгоживущего поезда – «TCP Steelfort», что в переводе означает «Поезд грузовой и пассажирский – Стальная Крепость». На нём мне и предстоит продолжить путь.

Боже, мне срочно надо выпить чего-нибудь покрепче. Ком в горле просто душит меня. Сигналы на дороге и повороты

уже начали расплываться.

Город просто шикарен. Надо бы подумать о будущем. Может, пожить тут лет десять?

«Что со мной?» – даже вслух спросил я себя. Вроде бы еду по городу, но не помню, как выехал. Мне грустно, но потом сразу воодушевлённо и импульсивно. Не понимаю себя.

Немного напряг память и вспомнил, что присмотрел отель. Решил отметить на карте, пока не забыл: нам с Лукасом нужно будет заселиться, а потом уже проветриться, как договаривались с ним и Бренденом.

Странно, что мне было трудно это вспомнить, – он находился буквально через дорогу от здания администрации, да и от клуба неподалёку.

Сделав круг по городу через набережную, я вернулся к вокзалу, только с другой стороны. Хвала планировщикам – тут аж три перехода на другую сторону!

Не дойдя до парковки, я уже заметил там двух человек. Вокруг больше никого – значит, меня ждут. Чуть ускорил шаг. Я, похоже, опоздал.

– Какого хрена ты так долго? – Брендон слегка вскипел, что было видно по выражению его лица.

– Прошу простить. Сам не понимаю, честно говоря. Потерялся во времени.

– Мы тебя уже полчаса как ждём. Хотя хрен с ним, Лукас тоже только недавно подошёл. Мы опаздываем. Выглядите вы оба, конечно, как пустынные крысы. Вы что, не переоде-

лись? В культурное место идём, вообще-то.

Брендон нас застыдил. И за дело. Я даже не задумывался об одежде. А он – в строгой рубашке, туфлях, похожих на мокасины. Не разбираюсь я в названиях классической обуви, но выглядят они стильно. Очень идут его грубым и строгим чертам лица.

– Слушай, давай мы тогда с Лукасом до отеля доедем, переоденемся и потопаем до места. Отель в самом центре.

– Помоги мне господь. Солнце только зашло, а ты уже задолбал. У тебя в машине сумку со шмотками я видал. Лукас, у тебя есть что накинуть? – обратился Брендон к молча курящему Лукасу.

– Не, у меня только учебный халат и домашнее, – бросил тот взгляд на Брендона, говоря монотонно.

– У меня есть чёрные водолазки, могу поделиться. С рабочими штанами и туфлями получится строгий чёрный стиль, – сказал я, одновременно представив эту картину. Сам оделся в темную рубашку и светлые штаны. Туфли по стандарту.

– Сойдёт. Поехали тогда? А то уже следующие сутки наступают, – закончил Брендон.

– Погнали.

Мы прыгнули по машинам. Брендон поехал на машине Лукаса. Мы её оставим у отеля, а после посиделки поедем на моей.

Отель, располагавшийся напротив ратуши, был похож на переделку трёхэтажного бело-синего здания. Внешний ре-

монт выглядел добротно. Стилль – греческий, прямо античный. Архитекторы сделали навесы с колоннами на заднем дворе. Рядом с парковкой разместили бассейн. Ресепшн и внутренний холл были отделаны новой белой штукатуркой с узорами и голубыми оттенками; столешница – полностью белокаменная. Тёплый свет придавал уют и заставлял зевать.

Я заплатил за двоих по четыре с половиной тысячи акций Реддинга. Заняли номера на три дня. Переоделись мы у меня. Лукас в моей водолазке и своих штанах выглядел, если честно, как молодой вышибала. Но ему самому в принципе понравилось. Так и двинули, приняв на душу по маленькой бутылочке виски из мини-бара в номере. Жаль, это не те холодильники из отелей прежних времён.

Воссоединившись с Брендоном, мы уже навеселе двинули в клуб «Карс». Он находился буквально в паре минут от отеля, у большого перекрёстка. Огни светились разноцветными линиями и неонem. Музыка долбила даже на улице, задавая темп тем, кто только подходил к заведению.

Здание бывшей закусочной превратилось в трёхэтажный короб, весь в бетонных полосах, сделанных волной, и с подсветкой. Затемнённые окна мелькали яркими огнями, когда те падали на стёкла с той стороны.

На входе двухметровый негр и татуированный латинос оценили наш внешний вид своими хмурыми взглядами. Тем не менее пропустили, провожая серьёзными взглядами. Мы прошли дальше, а я, еле сдерживаясь, чтобы не показать им

средний палец, просто скорчил непонятную даже для себя гримасу.

Дальше – всё как в тумане.

Бар. Мы заказывали напитки, изливали душу Брендону вдвоём, заказывая всё больше и больше местной текилы из «Краснусов» – для себя так перевёл их слово «Redtus». Это растения на болотах Сакраменто, очень похожие на кактусы, но красноватого оттенка. Вместо иголок – какие-то наливные хвойные отростки, как на соснах, но не острые, а закруглённые на концах. Есть их опасно, но напитки на их основе сносили башку нещадно.

Танцпол. Басы били всё медленнее. Время замедлялось, голова туманилась. Огни били в глаза; музыка – в похожем на фанк стиле, но более весёлая, нежели наводящая тоску. Тело двигалось само.

Лукас с Брендонем резались в карты на местную валюту против каких-то лохов – по их лицам было видно, кто выигрывает. Я стоял с рыженькой дамой в обнимку, чувствуя тепло на шее.

Я не могу вспомнить, сколько девушек я встретил, скольких зажимал по разным углам клуба.

Разорванная рубаша и множество напитков, похожих на текилу, но с другими названиями. Я пахну женскими духами, но запах перебивает моё собственное дыхание.

Ритм бьёт одновременно с пульсом.

Я бьюсь одновременно с чем?

Я пью.

С кем?

Полис Реддинг. 3 июня 2115 года. Полдень.

Хочется пить. Сухость во рту была такой, словно я неделю жевал пыль из-под вентиляторов «Тринити».

– А-а-уч, – прошипел я, дотронувшись до лица.

Глаза не открываются, будто прикипели. Странно, что голова не гудит. Почти ничего не помню, что было ночью. Но понимаю, что я не у себя в номере.

Я с трудом открываю глаза, вижу вокруг все в светлых тонах, несколько пустых коек рядом. Я в белой робе сижу и вспоминаю, что же произошло. Нахожусь в больничной койке с огромным отеком на щеке, разбитыми костяшками и остатками крови на правой руке, под ногтями. Начинаю понимать. Похоже, скоро меня будет ждать история.

Единственное, что меня реально радует, – я снова стал собой. Когда мы приехали сюда, в полис, имею в виду, у меня настроение менялось ежеминутно. Когда по городу катался, я сам себя не узнавал, будто мной кто-то управляет, а я наблюдаю со стороны. Комментируя себя в мыслях.

– Господи, наконец-то ты проснулся! – с радостью сказал Брендон, чуть ли не вышибая дверь в палату.

– Что случилось? Я плохо помню вечер. Последнее – как я текилу пил, – начал рассказывать ему свои воспоминания.

– Ты не представляешь, насколько долго мне это рассказывать, братан, – не ожидал от Брендона слова «братан».

В палату вошел еще один человек. В халате с меткой “RMRC” (как позже выяснилось, расшифровка – “Redding Medical and Research Center”). Медицинский и исследовательский центр, короче.

– Мистер Марстон, можете ли вы нас оставить? Мне нужно поговорить с пациентом наедине, – обратился к моему братану врач. Братану. Хех, никогда не привыкну.

Брендон кивнул, показал мне кулак, но в таком, братском стиле, что ли, поднял его вверх, будто говоря: «Крепись, я с тобой».

– Алексей Андреевич Федотов. Правильно понимаю, если по документам судить? – Сразу после закрытия двери спросил врач.

– Да, это я. Можете сразу к делу? Не люблю вокруг да около ходить, – постарался ускорить плохую или ужасную новость.

– Вот как? Ну, хорошо. Долго тренировался, чтобы ваше имя озвучить без запинок. Меня, кстати, зовут Мартин. Как я понял по вашему пробуждению, вы не помните, что было позавчера? Ваше поведение всегда такое импульсивное и изменчивое?

– Нет, не всегда. Друга потерял. После этого в городе как-то поплыл. Я что-то натворил в больнице? – признался я врачу.

– Нет. Замечали ли вы в себе быстрые изменения настроения за короткий срок, во время стресса в прошлом? – спросил так, будто знает, откуда я. Но, скорее всего, просто моя паранойя.

– Честно говоря, нет. Такое впервые.

– Тогда сразу к делу. Подозреваю, что так на вас повлияла пелена. Она не опасна сама по себе. Но споры могут воздействовать на психику. У Лукаса тоже частично заметили этот эффект, но гораздо слабее.

Никто из каравана не испытывал сложностей в мыслях после пелены, кроме вас. Скажите, вы откуда? – Вижу, что доктор чего-то не договаривает.

– Почему такой вопрос? – спросил я с подозрением, чувствуя дикую сухость во рту, так что последнее слово было издано с хрипом.

– Местные переносят споры калифорнийских горных грибов спокойно, так как постоянно с ними взаимодействуют. Мелкие частицы есть почти везде, – уточнил док.

– А что это значит для меня? – уже начиная беспокоиться, спрашиваю я.

– Это значит, что у вас мозговой зуд, – дал мне диагноз Мартин.

– Болезнь не психическая. Аналогично ветрянке в плане выздоровления. Сейчас переболеете и больше беспокоить не будет. Но сейчас вы нестабильны, тем более из-за переживания по поводу смерти друга, могут быть такие моменты, как

прошлые два дня.

– Погодите, доктор. Два дня? Я вообще вчерашний день не помню, – я был в шоке.

– Провалы в памяти при мозговом зуде нормальны. Вы можете встретить человека, которого знали всю жизнь, но завтра вы его никогда не увидите. Вы можете не отличить сон от реальности. Можете заплакать, глядя на выпечку, мысленно хороня все то, из чего эта выпечка состоит. Такая вот болезнь. А по поводу ваших походов, это лучше у ваших друзей спрашивать. Единственное – не забудьте оплатить штрафы, также сегодня у вас визит в Управление внутренней безопасности города, – продолжил доктор свое объяснение.

– Господи, что произошло? – больше для себя сказал я вслух. Что-то часто я это делаю. Говорю вслух свои мысли.

– Это вы у своих друзей спрашивайте. Знаю лишь то, что у вас, помимо мозгового зуда, есть алкогольное отравление, следы наркотиков-психоделиков, также ноздри забиты порошком психосибидина.

– Господи.

– А что за порошок? – начал уже паниковать в душе, голос задрожал.

– Это простые таблетки от яда корневищ, просто если их размолоть, получается эффект стимулятора. Не беспокойтесь, скорее всего, вас пытались привести в чувство с помощью этого. Получше нашатыря действует, – прояснил док.

Я задумался. Мне действительно было паршиво, хоть я старался не подавать виду. Слишком быстро привыкаю к людям, с которыми сближаюсь. Слабость у меня такая. Мне даже сейчас паршиво до сих пор, как вспоминаю Алана. Хотя мы знакомы были несколько дней. Чувствовалось, что души у нас похожие. Да и он проявлял ко мне сильное доверие, что ценно. Очень ценно для меня.

– Скажите, Мартин... – я немного затормозил секунд на десять, собираясь с мыслями. – Что мне делать с болезнью? Я так понимаю, многие, кто горы пересекают, не из местных, ею болеют? Лечится же?

– Лечится, конечно. Но болеют редко, караваны стараются по минимуму сквозь туман проезжать. Вам, видимо, повезло так попасть. А вообще ваш организм сам справится. Просто нужно держать эмоции под контролем. Посоветую вот что, – прокашлялся доктор и продолжил. – Комплекс витаминов выдадим бесплатно, отдельно вам нужно купить натуральный чеснок, лайм и пить больше чая. Таблетки для печени “Artshock” местного производства. Этого хватит. Ну и на валерьянку потратитесь, нервы успокойте.

Я принял решение соблюдать все советы доктора с железной стойкостью. Ненавижу болеть. Но мне не дает покоя то, что я нифига не понимаю, куда пропали эти два дня и где Лукас. Сначала нужно выяснить это.

– Спасибо, док. Скажите, когда можно будет выписаться?

– Анализы сдайте, к обеду, как результаты будут, выпи-

шу. Если анализы не покажут, что вы умираете, конечно, – попытался пошутить док. Но шутка удалась. Люблю черный юмор.

– Пфф, – почти заржал я.

Я лежал уже часа два, ожидая результаты анализа. Мысли возвращались к Алану. Всего несколько дней знакомства, а ощущение потери – будто оторвали кусок плоти. Он доверял мне почти сразу. А я, старый циник, разучившийся доверять кому бы то ни было, ответил ему тем же. И теперь его нет.

Дверь скрипнула. В палату заглянул Брендон, на этот раз без лишнего шума.

– Ну что, живчик? Дока выжимать собрался? – спросил он, присаживаясь на табурет.

– Пока не решил. С одной стороны – хочется, – я указал взглядом на заживающие костяшки. – С другой – стыдно. Лукас где?

– У коменданта. Документы на отца завершает. Парень держится, но видно, что на изломе. – Брендон помолчал. – Слушай, насчет тех двух дней...

Я напрягся.

– Говори. Я готов.

– Ты был... другим. То весёлый, то агрессивный. В клубе полез на того латиноса с входной, сказал, что он похож на «корневище безмозглое». Еле успокоили. Потом... – Брендон вздохнул. – Потом ты разнес игровую комнату, как раз когда подошел парень той рыжей, которую ты, как оказалось,

у него выпер. А когда мы тебя оттащили, ты начал рыдать. После этого было слишком много событий. Женщины, драки, снова на охрану наехал. Дошло до того, что твоей башкой дверь нахрен открыли, так ты оказался в отключке на улице.

Я закрыл глаза, представляя этот позор.

– Штрафы? – спросил я коротко.

– Часть я оплатил. Остальное – за тобой. Говорю же, ты мне жизнь спас. Рассчитались.

– Спасибо, – я сказал это тихо, но искренне. – А... порошок? Мне в нос что-то сыпали?

Брендон хмыкнул.

– Это я. Ты в отключке был, а тебя трясло. Вспомнил про старый метод – растолченные таблетки от яда корней. Вдохнешь – и на минуту в чувство приходишь. Помогло, кстати.

Объяснение было логичным, но в его глазах на секунду мелькнуло что-то неуловимое. Словно он что-то не договаривал. Или мне снова мерещится? Мозговой зуд или паранойя?

– Похороны завтра, – напомнил Брендон, вставая. – В полдень. Лукас ждет тебя у коменданта, как только тебя выпишут.

– Я буду.

Оставшись один, я снова погрузился в мысли. Завтра – похороны. Сегодня – Управление внутренней безопасности. А ещё нужно сгонять вместе с Лукасом в местный институт.

Я снова стал собой. Сломанным, виноватым, нестабиль-

ным. Но собой. И у меня не было права ломаться дальше. Нужно учиться на ошибках, чтобы не допускать такого.

Время близилось уже часам к пяти. Спасибо Брендону за то, что притащил мне мою одежду с номера. А то ходил бы как бомж с подворотни.

Мы с Брендonom временно расстались, ему нужно было по делам в казармы. Я же побрел в сторону вокзала, к коменданту. Выслушивать еще и от Лукаса.

Интересно, а что было вчера? Забыл спросить у Брендона. Идиот.

– Алекс, как дела? – стандартно спросил Лукас, едва завидев меня, выходящего из-за угла к двери здания коменданта.

– Отвратительно, Лукас, – ответил я, дав ему краба. Рукопожатие такое своеобразное.

– Странно, что у тебя нет гигантской шишки, – захихикал Лукас, показывая мне на лоб. – Твоей башкой дверь открыли. Мы помочь хотели снова, но не удержались и заржали оба с Брендonom. – Уже явно угорая, продолжил Лукас. А я узнал, почему Брендон допустил такой сценарий, – он там ржал, стоял, скотина.

– Ладно, успокойся, – попытался урезонить я его.

– Что было ночью, я уже понял примерно. Мне больше интересно, что было вчера. День вообще из головы выпал, – спросил про болтающийся вопрос в голове.

– В больничке лежал. К рассвету, когда мы уже уводили тебя побитого из клуба, ты орал про нож, который потерял

в बारे. Мы оставили тебя снаружи, и я клянусь, там вообще никого не было. Буквально пару минут мы спрашивали про нож у охранников, искали у мест, где ты сидел, и вышли, не найдя ничего. А ты уже валяешься с пробитой головой. Мы даже не видели, чтобы кто-то рядом был, – прояснил ситуацию Лукас. – После этого потащили тебя в больничку, и ты там целый день лежал. Ты как вообще чувствуешь себя?

– Будто в меня поезд врезался, – кинул я сравнение.

– Ладно. Я уже решил дела у коменданта. Пойдем позавтракаем, пару моментов обсудим с тобой. Про отца тоже. – Последнюю фразу сказал он немного тише.

Мы прошли от вокзала обратно в сторону медцентра, но чуть в сторону, на край холма, где этот центр располагался. Топая на вершину холма, я увидел вывеску с блинчиком и улыбающимся латиносом с усами. Блинная, как я понял.

Зашли в небольшое заведение, оно построено на сваях, имеет три террасы. Довольно много народу, видно, что из местных. Все кушают блинчики, точнее, нечто на них похожее. Панкейки называются. Живот у меня отчаянно забурлил.

Решили присесть за столик на улице, заказали панкейки из оранжевой пшеницы – такой продукт, тоже измененный, но тем не менее один из немногих безвредных. Побочек за ним не наблюдается. Недорогой к тому же, так что входит в состав большинства концентратов. А сами концентраты по сути полуфабрикаты, такие же, как были в магазинах про-

шлого. Приготовленные котлетки там, суши, буррито и прочее. Только состав – сплошная химия и такие вот растения вперемешку с натуральными продуктами, но по минимуму. Единственный безопасный вариант – кушать что-то из ГМО растений и животных.

Я и Лукас молчали. Пока ждал заказ, наблюдал за городом, дул легкий прохладный ветер, что для этого времени необычно. Температура, можно сказать, аномальная, прохладно слегка. Лукас читал буклет, видимо, из той больницы. Там же институт и находится.

Мысли прервала официантка. Быстро разложила наш заказ, еще горяченький, очень свежо пахнет, прям будто в пекарне нахожусь. Вот они, усилители вкуса и запаха в действии!

– Бон аппетит, – сказал я Лукасу.

– Приятного, Алекс.

Видно, что Лукас решил поговорить после еды, следуя правилу «когда я ем, я глух и нем». Зашло, видимо. Панкейки, если честно, разочаровали. Я очень люблю блинчики со сгущенкой. Раскладываешь блинчик, тоненький, с порами, намазываешь сгущенку по всему блинчику слоем. Я люблю заворачивать в трубочку, чтобы сгущенка стекала на блинчик ниже, откусывать по кусочку с обильно текущей сгущенкой и запивая чаем. Ммм. Идеально.

В панкейках все по-другому. Есть порция налитого джема, сидишь, режешь себе его как торт и пихаешь в пасть.

Вкусно, конечно, но того ритуала не хватает, как с блинчиками. Слишком уж панкейки для этого толстые. Да и дополнительная порция джема стоит дороговато.

Да я не самый разборчивый в правильной и полезной еде. Но счастливый в эти моменты.

– Алекс. Может, еще по чаю? – Закончив есть, предложил Лукас.

– Да, давай.

Лукас сделал жест, стуча по маленькому чайнику ложкой, привлекая внимание. Показал палец вверх около чайника. Видимо, так в Калифорнии принято просить добавки. Странно немного выглядит, как по мне.

– Завтра поедem на похороны. Моя мама уже в пути сюда, как мне сказал комендант. Поэтому приезжай к воротам к обеду. Мы после этого завтрака разойдемся. Мне нужно побыть с ней. – Его голос как будто повзрослел. Я даже не думал, что он успел уже с матерью поговорить. Несмотря на горе, смог организовать поездку, решил взять на себя все, что связано с его семьей и похоронами. Нечего перечислять дальше. Сильный у Алана сын, все-таки.

– Я понимаю, Лукас. Я могу присутствовать на похоронах?

– Разумеется. Думаешь, зачем я попросил тебя к обеду приехать? – Даже удивился моему тупому вопросу Лукас.

– Не знаю, сам не свой, – буркнул я, наливая Лукасу чай, который только что принесли. Ну и себе, конечно.

– Так вот, еще кое-что. Я помню, как ты смотрел на нож моего отца. А свой ты потерял.

– погоди, ты же не... – не мог я подобрать слов.

– Я хочу, чтобы ты его взял. – Он достал нож в ножнах Алана. Сияющий, будто только что из кузницы вышел на прилавок премиального магазина для избранных.

– Это нож твоего отца, оставь это себе на память. Вещь-то в этих краях уникальная, – пошел я в отказ. Конечно! Как я могу такое принять, я знаком с Аланом несколько дней. С чего такие почести?

– Да я бы ни за что бы тебе его не отдал в любой другой ситуации. Даже не продал бы! – Немного обозлился он, ставя нож на центр стола со стуком. – Он другом тебя называл, понимаешь? Друзей нынче хер сыщешь. Вы бок о бок с ним были, когда я в штаны ходил от страха в сраной низине! Понимаешь? Теперь я как глава семьи хочу отдать тебе это как подарок другу. – Невероятно эмоционально, непривычно выпалил он эти слова. Не могу я отказать. Нельзя.

– Благодарю тебя, Лукас. Он будет со мной постоянно. – Я принял нож. Встал и повесил ножны себе на пояс. Отстегнул фиксатор и взял рукоятку. Лежит идеально. Баланс для меня лучше не найти. Я пожал руку Лукасу. Крепко. Он тоже.

– Не знаю, как выразить свою благодарность за такое доверие, – глаза у меня чуть покраснели. Слезы наворачиваются.

– Выразишь на похоронах, – снова серьезным тоном сказал Лукас.

– После всего этого нам нужно встретиться в институте. Когда я рассказал о том, как добрался и о тебе, а тебя, кажется, узнали.

Полис Реддинг. 4 июня 2115 года. Утро.

Жара.

Она навалилась с самого утра, тяжелая, влажная и беспощадная. Воздух густой, как сироп, им не дышали – его ели, и каждый глоток обжигал легкие. Солнце в белесом небе Калифорнии превратило город в гигантскую пароварку. Я стоял на мосту, чувствуя, как воротник рубахи, в которую так идиотски вырядился, прилипает к шее. Надеялся на вчерашнюю прохладу, ан нет – пекло вернулось с утроенной силой. Судя по осунувшимся, потным лицам прохожих, я был не одинок в своих страданиях.

Внизу, под крутыми устоями моста, текла река. Неширокая, но быстрая, с водой мутно-стального оттенка. Смотрел на водовороты, на пену у опор, и это хоть как-то отвлекало. Сделал глоток из походной фляги – прохладный чай с лаймом, тот самый, что делают в Тринити. Кисло-горьковатый, он хоть ненадолго возвращал ощущение свежести. Этим же чаем, словно последним причастием, запил пару таблеток. «Artshock». «Артишоки», как я их мысленно окрестил. Печень, прощай, ты у меня была героем. Хотя они вроде для печени?

Через три с половиной часа нужно быть у ворот. На похороны Алана. Нельзя опоздать. Нельзя подвести. Мысль об этом сжимала виски туже, чем жара.

Конвой с матерью Лукаса прибыл вчера, без происшествий. Утром, по пути на рынок, заскочил к коменданту – проверить, узнать последние новости. Старый прапорщик с лицом, напоминавшим потрепанный жизнью гранит, лишь кивнул: «Всё чисто, сынок. Ждут». От этого «всё чисто» стало ещё тяжелее. Потому что ничего не было чисто. Внутри – пограничная зона, выжженная дотла.

После прогулки, быстро переоделся в номере в темные тона. Спустя три часа я уже стоял у ворот, глядя, как подъезжает похоронный кортеж.

Жара не отступала, становясь лишь фоном для другого, внутреннего огня. Я стоял в стороне, давая семье пространство. Хелен, жена Алана... Господи. Она постарела лет на пять за эти несколько дней. Лицо, прежде такое живое, осунулось, кожа натянулась на скулах, а под глазами залегли тёмные, влажные тени. Она не рыдала. Она просто стояла, и горе висело на ней тяжелым, невидимым плащом, сгибая плечи.

Лукас держался с потрясающей, почти пугающей выдержкой. Он был опорой. Тихо что-то говорил матери на ухо, одна его рука лежала у неё на спине, твердая и уверенная. Он казался сейчас старше своих лет, приняв на себя бремя главы семьи.

Я не знал, когда и как подойти. Вставить себя в эту камерную сцену скорби казалось кощунством. Переминался с ноги на ногу, чувствуя себя лишним, чужаком на этом священном ритуале прощания.

Именно Лукас меня заметил. Его взгляд, серьёзный и уставший, нашёл меня в толпе. Он не улыбнулся, лишь коротко, почти незаметно кивнул и сделал ладонью неторопливый, приглашающий жест: *«Иди сюда»*.

Я сделал несколько шагов, и жара сменилась ледяным чувством ответственности.

– Алекс, – тихо, но четко произнес Лукас, когда я подошёл.

Я лишь кивнул в ответ, слова застряли комом в горле. Затем перевёл взгляд на Хелен.

– Миссис... – начал я, но она сама прервала мою неловкую попытку.

– Алекс, – ее голос был тихим, простуженным от слёз, но в нём слышалась сила. Она протянула мне руку, и я взял её в свои. Ладонь была холодной. – Спасибо, что пришёл. Алан... Был с тобой в тот момент. Он уважал тебя.

В этих простых словах было всё: принятие, благодарность и общая, невыносимая потеря. Я сжал её руку чуть сильнее. Просто кивнул, понимая, что сейчас любые слова будут пустыми.

На выезде из ворот, в крошечной духоте КПП, нам выдали дневные пропуска – бледно-желтые карточки, дающие

право вернуться до заката без унижительной проверки на чуму. Логика проста: заразиться за несколько часов практически нереально. «Практически» – любимое слово этого мира. Оно не успокаивало, а лишь подчеркивало хрупкость нашего временного иммунитета.

Хелен, жена Алана, приняла решение, не терпящее возражений. Она поедет в джипе-катафалке. Последние километры, последние мгновения дороги рядом с мужем. Я видел это в ее взгляде – не прощание с телом, а попытка доехать с ним до конца, как в былые дни.

Мы с Лукасом молча погрузились в «Сузуку». Салон, раскаленный на солнце, пах пылью и бензином. Гул мотора заглушил далекий траурный гудок, и мы тронулись, заняв место в небольшом кортеже. Брендон и двое его коллег на бронированном джипе замыкали шествие – стальные ангелы-хранители, сопровождающие нас в этот последний путь. Их суровые лица в отражении зеркала были красноречивее любых слов: этот мир не отпускает ни живых, ни мертвых без боя.

Гул мотора был единственным звуком, заполнявшим салон. Пейзаж за окном плыл, смазанный жарой.

– Ты уже выбрал место? – спросил я, ломая молчание. Голос прозвучал хрипло.

Лукас не повернулся, продолжая смотреть на убегающую дорогу.

– Разумеется. Ты думаешь, чем я занимался все это вре-

мя? – в его тоне не было упрека, лишь усталая уверенность. – Готовили место, сделали его безопасным для церемонии. Я выезжал туда, пока ты был в отключке. С Бренденом, кстати.

Я молча постучал себя костяшками по лбу. *Идиот. Конечно, он все взял на себя.*

– От меня что-то нужно?

– Нет. Нужно только быть там. Проститься с отцом.

Мы проехали немного вдоль озера Виски. Вода лежала неподвижно, словно расплавленное стекло, отражая свинцовое небо. Сразу за мостом, носившим то же имя, что и озеро, слева открылся вид на маленький полуостров с двумя поросшими кустарником холмиками. Кортёж медленно потянулся к обочине, замирая один за другим.

Тропинка, протоптанная в рыжей, каменистой почве, вела к самому краю полуострова, на высоченный уступ. Именно там, на этой крошечной поляне с уже готовой могилой, открывался вид, от которого перехватывало дух. Глубокое синее озеро, обрамленное величественными хребтами, уходило вдаль. Небо, выцветшее от зноя, было бездонным. Воздух звенел от тишины. Каменистая почва не давала шанса буйной растительности – эта поляна останется нетронутой долгие годы. Сама долина, вопреки всему, хранила осколки прошлого – темные островки хвойных лесов на склонах гор. Пейзаж был на удивление чистым, почти девственным, словно время здесь остановилось за десятилетия до Коллапса.

Люди молча собрались на краю холма, образуя тесный

круг. Я встал рядом с Хелен, ощущая ее сдержанную дрожь. Лукас куда-то исчез. Прошло несколько минут, тишина стала почти осязаемой, и в воздухе повисло ожидание начала церемонии.

Я обернулся на звук тяжелых, мерных шагов, доносящихся со стороны тропы.

Они несли гроб. И Лукас шел впереди, плечом к плечу с Бренденом и другими солдатами, взяв на себя ношу своего отца. Его лицо было бледным и невероятно сосредоточенным. Он провожал Алана в последний путь, неся его на своих плечах – и как сын, и как мужчина, принявший на себя всю тяжесть этой потери.

Прощай Алан.

Глава 5. Ее условия.

Полис Реддинг. 4 июня 2115 года. Ранний вечер.

После похорон в Лукасе что-то устоялось, закалилось. Не то чтобы горе ушло – оно просто нашло себе тихое, глубокое место внутри и перестало рваться наружу. Он простился с отцом не как мальчик, а как мужчина, принявший тяжесть потери и сделавший выбор: не убиваться, а идти дальше. Его мать, Хелен, казалось, черпала силы в его новой твердости. Они заселились в небольшую квартиру в одной из башен у самой стены, недалеко от того самого холма с Медцентром. Символично – новый этап жизни начинался в тени места, где Лукасу предстояло учиться.

Мне же нужно было решать бытовые вопросы. Время моего проживания в отеле истекло, а билет на «Стальную Крепость» с погрузкой «Сузуки» стоил почти все мои сбережения. Финансы пели романсы, так что оставаться в Реддинге было не просто желанием, а необходимостью. Пора было искать крышу над головой.

Забросив вещи в машину, я начал медленный обезджилых башен. К моему удивлению, на многих висели электронные табло, оповещающие о наличии свободного жилья. На некоторых даже красовались ценники – это были явно премиум-сегмент, куда мне соваться не хотелось. Я сразу отказался от мыслей о даунтауне – высотки, стоящие плечом к к

плечу, вечная копоть и грохот вокзала... Нет, спасибо.

Взгляд на карту привлек мое внимание к району Парквью, что на юге полиса. Относительно новый, с более широкими улицами. Когда я подъехал ближе, сомнений не осталось – мне сюда. Шестиэтажные дома, между ними – островки зелени, парковки, свои магазинчики. Уютно, по-человечески. И главное – не в глуши.

И тогда я увидел его. Дом прямо у реки. Не самый новый, но в нем был свой шарм. Объявление сообщало, что в квартирах нет индивидуальных душа и туалета, только общие на этаже. Зато на территории... была сауна. Настоящая, деревянная, работающая для всех жильцов. Это перевесило все «но».

Цена оказалась приятным сюрпризом – 42 000 АКР в месяц. Когда я поднялся в квартиру, все сложилось окончательно. Вид из окна на текущую воду, успокаивающий и вечный. Внутри – добротная кровать, большой стол, идеально подходящий для разборки и чистки всего, что потребуется, и продуманная система хранения. Занавески с полным затемнением – роскошь для того, кто хочет выспаться после ночной смены. И та самая система вентиляции, общая на весь этаж, чей ровный гул обещал спасительную прохладу в невыносимую жару.

Это было больше, чем просто жилье. Это было место, где можно было передохнуть и собраться с мыслями. Пусть ненадолго.

Я договорился с Лукасом, что явлюсь в институт через несколько дней. Мне нужно было провести полную инвентаризацию, пошаманить над тем, что есть под рукой, и – что важнее – заново распланировать свой путь. Выйдя из бункера, я думал, что хоть что-то понимаю в этом мире. Оказалось, не понимаю ровным счётом ничего.

Первый день на новом месте я посвятил разгрузке. За несколько заходов вытащил из «Сузуки» всё: оружие, инструменты, вороха проводов, компоненты, полезный хлам. В гараже оставил только патроны, запчасти и прочую мелочёвку, без которой машина – не машина.

Таская коробки, я постоянно мелькал под балконом соседки. Она стояла там всё это время, с каким-то напитком в руке, и наблюдала. Забавно: люди готовы вечно смотреть на огонь, воду и чужую работу. Раз она выбрала два последних варианта, быть ей не пожарным, а инженером-недоучкой. Я машинально махал ей рукой и ухмылялся.

Внутри всё было разложено по полочкам – в прямом и переносном смысле. На кровати и столе – пакеты с компонентами, тестовые платы, пластиковые заготовки, дисплеи, механика и хлам для бартера. Я давно вынашивал идею собрать дрон – ещё в Аркате искал подходящие моторы, но безуспешно. Решил начать с платформы. Если в Реддинге, индустриальном сердце, я не найду нужное, то где тогда?

Основа – всё. Размял заранее купленную на рынке глину (там же, где брал чай и «артишоки») и начал лепить кар-

кас: четыре ответвления под моторы, утолщённый центр для платы и аккумулятора, вытянутую переднюю часть под камеру. Приёмник и антенны, выкопанные когда-то в могильнике, пойдут «хвостом».

Изваяв грубую, неидеальную форму, я расставил её на подоконнике. Рядом – маломощная плитка и металлический тазик, куда побросал пластиковые брикеты. Пластик плавился медленно, издавая резкий запах жжёной химии. Залил массу в форму, не особо церемонясь – главное, чтобы не было пузырей. Излишки – дело напильника.

Пока отливка остывала, курил у окна, глядя на реку. Потом началась рутина: зачистка, сверление отверстий под крепёж. Дрель гудела, как раздражённый шершень.

Основа готова. Вскрыл вакуумный контейнер с отладочными платами – универсальные штуки, из которых в прошлом собирали всё, от детских машинок до систем «умного дома». Дальше – пайка. Соединял дорожки, впаивал камеру в подготовленные пазы, выводил контакты для моторов, крепил антенны. Если такой самоделкой разжиться, можно было бы продать её за целое состояние – хватило бы на новую машину и месяц жизни в клубах для буржуев.

Я так увлёкся, что не заметил, как в комнате стало темно. Контакты на плате поплыли перед глазами. Только сейчас я осознал, что за окном – глубокая ночь, а у меня в желудке – пустота, готовая поглотить себя целиком. Пора было искать, чем её заполнить.

**Полис Реддинг. 4 июня
2115 года. Поздний вечер.**

– Здравствуйте, сэр, – донеслись до меня слова девушки из-за спины, когда я закрывал дверь.

– И вам доброго вечера, мисс... – дал закончить я.

– Эванс. Да ладно вам, зовите просто Лолит, – ухмыляясь, ответила девушка.

– Приятно познакомиться, меня зовут Алекс, – сказал я автоматически, как из учебника начальных классов по английскому языку, но улыбаясь от уха до уха.

Я не продолжал диалог, так как даже не знал, что мне сказать. Будто я школьник, который не знает, как подойти к понравившейся однокласснице. Хотя понятно почему – у меня мысли были только о еде. Стоящая того цель.

– Я хочу есть. – Максимально тупой аргумент я привел своему молчанию.

– Это... приветствие? Или объявление о намерениях? – уточнила она, и в уголках её губ заплясали чертики.

– Не знаю, – честно признался я, чувствуя, как горит лицо. – Я просто не ожидал никого увидеть. И теперь не знаю, о чём говорить.

– Ну, с голодным человеком, это и правда бесполезно, – вздохнула она с преувеличенной драмой. – Я тут вообще думала, что вы симпатичный молчун, а вы оказались... прямо-

линейным.

– Работал над проектом дома, оголодал. Вот и вышел на поиски кафешки, – перебил я, пытаюсь вернуть диалогу хоть какую-то логику.

– Ага, теперь картина складывается, – протянула она, кивая с деланной серьезностью. – Ладно, спасти голодающих – благородное дело. Подождёте меня минут десять? Переоденусь и покажу своё любимое место.

– Да я только за! – выпалил я с приятным расходящимся по телу ощущениям в груди. Отлегла неловкость.

Я стоял около её двери, прислушиваясь к звукам метания по квартирке – видно, торопится. А я, если честно, был рад компании. Сам хотел как-нибудь подойти к ней, но не ожидал, что она сама меня найдёт так стремительно.

Кинул взгляд на стеклянную дверь, выходящую на общий балкон – видимо, курилку. За окном уже сгустилась темнота, а по всему городу зажглись жёлтые огни, словно кто-то рассыпал по улицам горячее золото.

Дверь распахнулась внезапно, чуть не сыграв со мной в неваляшку.

На пороге стояла Лолит. На ней была бежевая юбка чуть выше колен, тёмные сапожки и такого же цвета водолазка – или как там это у них называется. Мне понравилось. Просто. И от того – красиво.

Длинные тёмные волосы, милое лицо с острыми чертами и едва заметной родинкой чуть левее глаза. Всё это смот-

релось... необычно. Потому что у девушек из Центральной Америки глаза почти поголовно карие, а её – светло-голубые. Прямо как в тех старых фильмах.

А я-то был в своей белой рубашке и тёмно-синих штанах с туфлями. Тоже фанат простоты. Но теперь, глядя на нас, можно было подумать, что мы идём на свидание.

В душе я отчаянно надеялся, что так оно и есть.

Мы вышли из башни в ночной полис. Огни подсвечивали пустынные улицы. Неудивительно: рабочий день нынче не 7–8 часов, как когда-то, а все 12–14. Так что город спит, а мы гуляем. Интересно, чем занимается моя спутница? С этого и решил начать.

– Не ожидал, что в первый день заселения с кем-нибудь познакомлюсь, – начал я издалека.

– А я не ожидала, что буду наблюдать с балкона, как кто-то несколько часов будет грузить баулы на верхние этажи. У нас же даже лифта нет. Ха-ха! – мило посмеялась девушка.

– Никто никого не ожидал. Странно, что больше никого я не видел ни внутри, ни на балконах. Все работают?

– Тут недорогой район, так что да. С утра можно наблюдать, как практически в одно время, словно из муравейника, люди со всех домов тянутся на основную улицу, к автобусам, – поделилась она наблюдениями.

Почему-то вспомнились бабушки из моего детства, которые, сидя на лавках, вечно за всеми следили. Комментируя вслух, разумеется.

– А чем ты занимаешься все эти будни? – попёр я напролом.

– А вот и не скажу, – съехидничала она, улыбаясь и немного покачивая головой то вправо, то влево. Играючи так.

– Да ладно тебе, колись! Интересно же, – легонько подтолкнул я её в плечо, тоже улыбаясь.

– Ладно, упрямец, – она наигранно нахмурилась. – В гидронном комплексе, недалеко от электростанции, работаю. Там два дня, потом тут два дня отдыхаю. Стараемся выращивать редкие для этих мест культуры. Кофейные сорта сейчас пробуем – даже успешно. Так что если что, приходи ко мне за украденным кофе. – Она подмигнула и чуть ближе прижалась к моей руке, заодно обрывая тему про работу.

– А это уже интересно. Как же я давно не пил настоящий кофе, – замечтался я.

– Тогда с тебя молочный порошок, – серьёзно заявила Лолит.

– Ради такого я куплю настоящее молоко, – так же серьёзно парировал я, явно удивив девушку.

Всё это время мы шли на юг, вдоль реки Сакраменто. Этажность домов становилась всё ниже, пока не остановилась на комфортных трёх-четырёх этажах. Райончик выглядел побогаче: на крышах виднелись ограды из металла и стекла, маленькие пристройки – такие местные пентхаусы.

Дойдя до конца улицы, Лолит, улыбаясь, показала на приличного вида заведение прямо у реки, с террасой, выходя-

щей на воду.

«*Похоже, мне придётся потратиться*», – с тоской подумал я, внутренне борясь с давним инстинктом экономить. Хотя, если честно, начиная с Аркаты и вплоть до сегодняшнего дня, я забил на экономию огромный и толстый... болт.

Когда мы были уже совсем рядом со входом, около двери стояла дощечка с расценками на блюда дня. Я был приятно удивлён – тут оказалось действительно недорого. Правда, блюдо от шефа из настоящей курицы стоило немислимых денег.

«*Надеюсь, моя спутница обожает концентрат*». – Подумал я про себя.

Я открыл дверь в кафе и галантно пропустил девушку вперёд. Она прошла, слегка покачивая бёдрами, а я, не в силах оторвать взгляд от этого великолепия, последовал за ней.

– Добрый вечер, сэр, мэм, – необычно для нынешнего времени поздоровался с нами хост заведения. Обращения «сэр» или «мэм» сегодня можно услышать крайне редко. Лишь в Реддинге я впервые столкнулся с такой почтительностью.

– Добрый вечер. Скажите, есть ли у вас свободные столики? Желательно у реки, – попросил я. Захотелось туда ещё на подходе.

– Разумеется, сэр. Можете выбрать любой из свободных – бронирования у нас нет. Если желаете сделать заказ сразу, кухня может начать готовить прямо сейчас, – проявил чудеса сервиса хост.

– Лолит, ты хочешь что-нибудь? – повернулся я к спутнице, молча наблюдавшей за разговором.

– Конечно, Алекс. Принесите нам, пожалуйста, настойку из краснухи и реддингскую пасту? На двоих, разумеется, и воды, – сразу сделала она заказ.

– Лолит, а что это за паста? – Мысленно я понял про краснуху – нечто подобное уже пробовал. А вот про пасту слышал впервые.

– Тебе понравится. Я её часто заказываю – дико вкусная лапша с крошечными фрикадельками в соусе, – объяснила она состав.

У меня тут же заработали слюнные железы.

– Прекрасный выбор! Я сейчас же передам заказ на кухню. Подождите буквально пятнадцать секунд – и я провожу вас к столикам. Выберем для вас идеальное место, – снова услужил хост.

Мне определённо нравился этот мужик. Голос приятный, мелодичный – идеально подходил к атмосфере заведения.

Мы подождали. Я в уме отсчитывал секунды и был приятно удивлён, когда он подошёл на шестнадцатой. Лёгким движением руки он предложил пройти за ним.

Речная веранда оказалась оформлена просто и со вкусом: деревянная обшивка, узорчатое ограждение, сквозь которое было всё прекрасно видно и на которое так удобно было опереться, наблюдая за течением. Мы выбрали место чуть правее от выхода – так мы оказались чуть более уединёнными,

а лёгкий шум из открытых дверей кафе не заглушал умиротворяющий шёпот реки.

Когда мы присели за столик, я кинул взгляд на реку, прислушиваясь к её звукам. Умиротворяюще. Спокойно.

– Тут красиво. Спасибо, что показала мне это место, – сказал я, посмотрев на неё в конце фразы.

– Это так. Раз уж я показала место – платишь ты, – снова улыбнулась она, выдвигая условие.

– Другого и не предполагал, – ухмыльнулся я в ответ.

Из кафе повеяло вкусными запахами, и мой желудок эмоционально высказался за меня. Если так подумать, я вечно голодный. Что поделать – обожаю вкусно поесть.

– Не делай так, мне тоже уже не терпится! – высказала она свою претензию.

– Ничего не поделаешь. Я же предупреждал ещё в башне, – пожал я плечами.

– Действительно. Слушай, у меня к тебе вопрос. Наверное, тебе уже надоели с ним, но терпения больше нет! – Она смотрела на меня с горящими глазами, но не в глаза, а чуть выше.

– Дай угадаю... Волосы?

– Да! – Она протарабанила пальцами по столу неизвестную мне мелодию. – Никогда не видела таких! Они натуральные? Или красился? Нынче это космически дорого!

– И правда, задают постоянно, – вздохнул я. – Побочный эффект. В пути, с голодухи, съел несколько фруктов. После

адской недели волосы приобрели такой оттенок. Раньше были просто светлые, – выдал я свой стандартный, выдуманный шаблон.

– Серьёзно? Обычно после ядовитых плодов умирают или болячки на всю жизнь остаются, а у тебя – вот так? Чёрт возьми! – Последовала привычная для меня реакция.

– В остальном всё как было. Так что не беспокойся, ничем не заражу, – одарил я её лёгкой ухмылкой.

– Хотелось бы посмотреть на тебя с твоим родным цветом. Я бы точно клюнула, – подмигнула она.

– А сейчас – не клюнула? – подмигнул я в ответ.

– Подловил, – она чуть склонила голову.

– О, смотри, наше несут! – обернувшись и увидев в дверях официанта, выпалила она в предвкушении.

Нам несли две большие тарелки с пастой, очень похожей на карбонару, только вместо бекона – фрикадельки в белом соусе. Когда всё расставили, поставили стаканы с водой, рюмки и налили розовую настойку. Официант пожелал приятного аппетита и удалился.

– Запомнишь правило? – спросил я Лолит.

– Какое?

– «Когда я ем, я глух и нем». Приятного аппетита.

Она кивнула в ответ.

– Поняла. И тебе приятного аппетита.

Мы принялись за трапезу.

Вкус у фрикаделек был необычный – будто смесь говья-

дины с беконом, доведённая до идеальной прожарки. Паста на вкус была стандартной, точь-в-точь как в ресторанах прошлого. А вот соус – это отдельная тема. Сливочный, с насыщенным привкусом чеддера, но при этом на удивление нежирный. Интересно, из чего его делают? В целом блюдо мне понравилось, а уж как насыщало!

Доев, я решил бахнуть настойку залпом. Теплота в горле и лёгкая сладость на фоне вечерней прохлады создавали ощущение эйфории. Но взгляд Лолит дал мне понять, что так здесь не пьют. Глянув на её ещё полную рюмку, я осознал: её надо пить маленькими глотками, растягивая удовольствие. А я её всосал, как водку. Надо же.

Увидев моё довольное лицо, Лолит, доев, сказала:

– Говорила же, понравится.

– Достойно, – показал я большой палец вверх.

– Может, ещё настоек возьмёшь? А то, видимо, тебе было маловато, – хихикнула она, указывая на мою пустую рюмку.

– Да нет, нормально. Я просто привык крепкое пить залпом, если в рюмках подают.

– Ах, вот оно что. Не видела ещё людей, которые так делают. Все смакуют. Крепкий алкоголь нынче дорогой. Если он, конечно, натуральный, – объяснила она мне то, о чём я уже начал догадываться.

– Ну, давай посмотрим, почём тут настойки, а то я в меню даже не заглядывал, – я открыл барную карту.

– Скупердяй, – пробормотала она. По крайней мере, я так

для себя перевёл её фразу *cheap skate*.

– А вот и нет! – сразу парировал я, увидев цену. 150 АКР за штуку. Но если брать сет из десяти, то выходило всего по 110 за рюмку.

– Осилишь пять штук? Слабо? – решил я её подразнить.

– Поиграть хочешь? – её глаза блеснули. – Ну, давай. Кто первый поморщится – выполняет желание победителя.

– Готовься к худшему, – самоуверенно выпалил я. Я пил абсент в барах Питера в прошлой жизни. Меня не победить. Как же я ошибался.

Она выпила пять настоек со вкусом, и на её лице не дрогнула ни одна мышца. Я же к третьей рюмке превратился в монгола. Чем больше пил, тем кислее становилось послевкусие. Оно было настолько кислым, что возникало стойкое ощущение, будто твоё лицо превращается в пятую точку и вот-вот втянется внутрь себя.

Я проиграл. В сухую.

Когда мы встали, я понял, что ног подо мной не существует. Их просто не бывает. Они превратились в облака, готовые растаять на земле, куда чудом опустились мои ботинки. Лолит тоже витала где-то в небесах, но держалась увереннее. Так, аккуратно переставляя несуществующие конечности и неимоверно угарая, мы, придерживая друг друга, побрели к выходу.

У барной стойки к нам подошёл официант. Я вытащил деньги и оплатил 2100 АКР, включая чаевые и разбитую

рюмку – я раздавил её в пылу досады.

Мы прошли метров двести, после чего рухнули на первый попавшийся столб. Я решил добить вопрос.

– Говори! Какое желание? – выдавил я заплетающимся языком.

– Сейчаф отфуфит. Походи. Пофтоим, – еле разобрал я её ответ. Перевожу: «Сейчас отпустит. Погоди. Постоим».

Теперь я понял, как звучал для неё все эти полчаса.

Мы простояли так минут пятнадцать, молча, просто дыша. Ноги потихоньку обретали чувствительность. Лёгкое онемение языка отступало. Частичная пелена в глазах рассасывалась. Снова живём!

– Тебя отпускает? – спросила она уже более ясным голосом.

– Кажись, да. Что это было? – я уже начал догадываться, что у настойки есть незаконный для старого времени побочный эффект.

– Ну, как тебе сказать... Такой вот эффект. Но не бойся, привыкания не заработаешь. Как раз поэтому их берут по одной. Но ты же мужик! – снова осадил меня. Какая дерзкая.

– Пока не забыл. Какое желание? – не поборол я любопытства.

– Покажешь мне то, над чем работал. Мне дико интересно, что ты там делал весь вечер. Я подслушивала, как ты иногда говорил вслух свои мысли, – прозвучало неожиданное

для меня желание. Если честно, хотелось отказаться. Но слово есть слово.

– Подловила, – ответил я единственное, что мог.

Остаток пути до башни мы проделали, окончательно отойдя от «того» эффекта, но оставаясь прилично пьяными. Я зарекся больше не пить эту настойку. По крайней мере, в таких количествах.

– Слушай, а как ты смогла их выпить и не поморщиться? – спросил я, когда в голове возник внезапный вопрос.

– Повезло, можно сказать. Секрет в том, что нужно постоянно держать жидкость во рту, – начала она объяснять. – Ты выпивал рюмку, потом делал перерыв, потом снова глотал. А чем больше перерыв, тем сильнее накатывает послевкусие. Тем более, первую ты и так залпом выпил. Наверное, не сильно ощущал кислинку, да?

– Ну, после первой – да, только нотки оставались, – задумался я.

– А я набирала постепенно. Когда допивала рюмку, оставляла во рту немного и сразу приступала к следующей. Так что перерыва не было. Но еле сдержалась, когда опустошила все. Зато именно поэтому меня сильнее развезло – раз тебе пришлось меня придерживать всю дорогу, – она указала на мою руку, всё ещё обхватывавшую её талию.

– Надо бы запомнить, – решил я, что этот лайфхак действительно может пригодиться.

До нашей башни мы добрались без приключений. Время

было далеко за полночь. Самым сложным оказалось подниматься по ступенькам в таком состоянии, но кое-как мы доползли до моей двери. Я пытался попасть ключом в замок, но безуспешно. Лолит смеялась, явно на что-то намекая. Я делал вид, что ничего не слышу.

Когда дверь наконец поддалась, её глаза загорелись. Она увидела настоящую помойку: по всей квартире были расставлены коробки, кейсы, на столе висело разобранное оружие. У окна стоял тазик с застывшим чёрным пластиком. Проводки и инструменты, хоть и убранные с пола, лежали повсюду. Из-за голодухи я не стал распахивать всё по шкафам.

– Офиге-е-еть! Что это? – она указала на мою разработку.

– Это дрон. Пытаюсь его собрать, но моторов не хватает, – объяснил я.

– Это те штуки с камерами, которые есть у гвардии Реддинга? – с удивлением спросила она.

– А они есть? – с не меньшим удивлением переспросил я.

– Ну, парочка летающих таких штук есть, но они громоздкие. А у тебя такой маленький, что в рюкзаке можно носить, – её голос стал задумчивым.

– Удивительно. Пока ни разу не наблюдал такие, кроме форпостов у могильников, – соврал я. Вообще ни разу не видел.

– А можно поближе рассмотреть? – в её голосе зазвучала надежда.

Я не стал отказывать. Хуже не будет.

Следующие пару часов я показывал ей детали, платы, объяснял, как делал основание. Мы увлечённо обсуждали всё это, пока она не предложила продолжить у неё – у меня всё было завалено. Я согласился.

Она открывала дверь в свою квартиру, а я, закрывая свою, вставил в замочную скважину самодельную заглушку – слепок, сделанный на всякий случай, пока собирал дрон. Вдруг мои опасения сработают. Лучше быть готовым.

Она не включала свет. В квартире царил полумрак, пока я разувался, она отодвинула занавески. Лунный свет мягко озарил пространство, выхватывая очертания комнаты, мебели, одежды на вешалке... Её юбку, сползающую на пол, и водолазку, взлетающую вверх. Её играющий взгляд.

Этот вечер был волшебным.

Эта ночь оказалась бессонной.

Глава 6. Осколки прошлого.

Полис Реддинг. 5 июня 2115 года. Полдень.

Свет из окна бил в глаза нещадно. Постепенно открывая их и лениво поднимаясь с кровати, я уже заранее знал, что нахожусь не у себя. Лолит лежала рядом, по-мужски похрапывая – забавно. Я усмехнулся, но сдержанно, понимающе.

Ночью не было возможности осмотреть её квартирку. Было темно, но подсознательно чувствовался уют. Стены были исписаны краской – силуэты людей, животных. За кроватью, на всю стену, нарисован сосновый калифорнийский лес. Когда смотрел на эту фреску, казалось, будто лес дышит жизнью.

Посмотрев ещё немного, начал натягивать штаны, попутно разглядывая остальное. Мебель была простой: стандартная кухня, самый обычный стол и стулья, такие же как у меня. Только шкаф вещами забит настолько, что из щели торчала какая-то зелёная футболка. Как раз у шкафа я заметил ключницу с тремя комплектами ключей от квартиры – и тут же возникла идея. Я вспомнил про кофе. И про то, что обещал купить настоящее молоко.

Через две минуты я уже подбегал к машине. Судорожно открыл дверь, вставил ключ зажигания. «Сузука», будто понимая мои мысли, завелась без промедлений и заревела, как лев. Зубастые шины вгрызлись в потрескавшийся асфальт,

добывая его и без того печальное состояние. Я рванул в северную часть города, где располагался рынок.

Башни мелькали в окнах. Люди перемещались по пешеходным переходам в рабочих робах и корпоративной униформе. Пару человек в костюмах с кейсами, стиль аля шестидесятые. Давно в прошлом такие же кожаные носили клерки. В фильмах видал.

Проезжая вокзал, увидел рядом с парковкой построение солдат. Рядом кучковались офицеры и начальство. Чёрт, дорогу перегородили – а там был короткий путь к рынку. Теперь гадай, куда ехать.

Покружив по кварталам, я вышел на другой конец рынка, куда раньше не доходил. Среда, полдень – народу кот наплакал. Никаких толкучек, как в тот раз.

Машину припарковал почти у самого входа. Я впервые видел эту часть. Больше похоже на пассаж из стекла и стали, какие строили в конце викторианской эпохи для выставок. Потом они куда-то исчезли. История повторяется – вот тебе и будущее. Хотя пассаж, надо признать, был небольшим.

Чуть не забыл выпить таблетки. Запил чаем из термоса, который в машине прилично нагрелся. Вчерашний чай был мерзким. Чего ради ментального здоровья не сделаешь.

Внутри рынка было светло – будто лампы накаливания горели на полную катушку. Плотный воздух напоминал парилку, но духоты, странно, не ощущалось. Люди неспешно проходили мимо, что-то покупали, рассматривали. Я же вгры-

зался глазами в каждый прилавок с напитками, едой и премиальными товарами, где могло притаиться молоко.

Взгляд остановился на бело-синих магазинчиках. Их внешний вид кричал: «Тут дорого». За стеклами – идеально чистые помещения, единичные посетители, продавцы в одежде светлых тонов. Резкий контраст с остальными лавками, где торговали кто в чём стоял. Я видел даже продавца семян в промасленной жилетке и с пустым патронтажем на 12-й калибр через плечо.

Я зашёл в магазин под вывеской *Olinda Ranch*. Раз есть слово «ранчо» – по логике, должно быть молоко.

Дверь со звонком открылась. Ботинки заскрипели по плитке. За стойкой меня встретила улыбкой полная, весьма приятная девушка.

– Добрый день, сэр, – поприветствовала она грудным голосом.

– Здравствуйте, мэм, – ответил я, но фразу не продолжил. Взгляд зацепился за прилавки: пустые пачки из-под молока, бутафорские колбасы, муляжи мясных обрезков.

– А у вас есть что-нибудь в продаже? Или тут только... такое? – с ноткой неуверенности показал я на витрину.

– Ой, ну что вы! – хихинула она. – Сами понимаете, товар дорогой. Мы выносим по запросу из холодильника, а то испортится.

Железная логика. С этим не поспоришь.

– Молоко настоящее есть? Не порошковое. Натуральное,

– спросил я с надеждой.

– Разумеется. Но продаём банками по пол-литра. Если брать галлон, нужен коммерческий статус.

Неожиданное правило. Но мне как раз много и не надо.

– Сколько за банку?

– Четыре тысячи акций. Если вернёте десять пустых банок обратно, за каждую платим пятнадцать акций, – объяснила она, оперевшись локтями на стойку.

Я не стал спрашивать, откуда такая заоблачная цена. Но сегодня, ради настоящего молока, я был готов на всё. Очень хотелось порадовать Лолит.

– А сколько стоит... просто попробовать? – задал я вопрос, от которого продавщица едва заметно изменилась в лице.

– Ну, не знаю... Обычно так не делают. Покупают, а потом уже пробуют, – неловко ответила она.

Она не знала, что я помню вкус настоящего молока. Что могу отличить его с закрытыми глазами. Всё детство у бабушки я поглощал его литрами. Сгущёнка, ряженка, кефир, глазированные сырки... Меня не проведешь, подсунув дешёвый порошок.

– Поймите меня правильно. Я тут впервые. Просто хочу убедиться, что это действительно продукт от настоящей коровы, – очень спокойно и размеренно объяснил я.

– Ну, хорошо. Я налью вам стакан. Но это будет восемьсот акций. И если всё устроит, вы эту банку купите. Нам нельзя

вскрывать герметичные банки просто так, с меня же списали бы, – предложила она вполне резонный вариант. Зона риска была обоюдной. *«Честный человек, – мелькнула мысль. – Таковую я не подставляю».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.